

Ольга Юрьевна Степнова

Совершенная crazy

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187962
Ольга Степнова Совершенная crazy: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36879-2

Аннотация

Вот уж попал Славка Орлик из огня да в полымя. Неудачно ограбив коттедж, убежал от злого милиционера и оказался в руках прекрасной и богатой девицы. Сказка? Ха-ха! Дамочка живо взяла его в оборот: в обмен на свободу потребовала от пригожего Славки переодеться в женскую одежду и заменить ее на похоронах двоюродной бабушки. Девicke не терпелось отдохнуть от строгих родителей хотя бы три дня и посвятить время бедному гениальному возлюбленному. Орлик собрался было тихо уйти восвояси, да разве откажешь прекрасной даме... под дулом пистолета? Но это были только цветочки...

Содержание

Ольга Степнова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Степнова Совершенная crazy

Орлик перепрыгнул через забор и помчался по узкой дорожке между коттеджами.

Сзади тяжело дышал лейтенант из вневедомственной охраны, но в беге по прямой Славке не было равных. Он легко оторвался от лейтенанта, свернул направо, потом налево, перелетел через какое-то ограждение, пробороздил колючий кустарник, словно на крыльях перемахнул через глубокую канаву, промчался по прямой метров сто и... оказался в тупике.

Дорогу Славке перекрыл кирпичный забор, длиной и высотой с Великую китайскую стену. Прыгать через это сооружение было глупо, бежать вдоль него – бессмысленно.

Славка заметался, словно загнанный заяц, пытаюсь сообразить, что делать дальше. В тюрьму не хотелось. Так не хотелось, что Орлик бросился на высокую стену в безумном прыжке, ударившись о шершавый кирпич всем телом и даже лицом.

Ночная птица, выкрикнув резкое проклятие, сорвалась с «китайской стены», и, шумно хлопая крыльями, унеслась в бесконечность ночи.

Если бы Славка умел летать!!! Он погрозил кулаком жёлтой Луне, которую считал своей покровительницей.

Через мгновение на запястьях щелкнут наручники, и судьба-злодейка бросит к его ногам всю романтику тюремных радостей. Срок припают большой – кража со взломом в составе преступной группы потянет на десять лет. И тогда – прощай молодая, бесшабашная жизнь Славки Орлика! Баланда, роба и абсолютно нетворческая работа на государство. Туберкулёз, потеря зубов, одна параша на камеру, и старый зэк, который непременно по нескольку раз на дню будет обмакивать в неё Славку. А учитывая, какой Орлик красавчик, чего и того хуже...

От ужаса Славка подпрыгнул, попытавшись зацепиться хоть за что-нибудь на заборе, но бесславно и больно свалился на землю.

– Эй! – вдруг услышал он сзади. – Греби сюда, попрыгун!

Орлик в панике оглянулся, и метрах в десяти от себя увидел чёрный джип неопределённой марки, дверь которого была гостеприимно распахнута.

Не раздумывая, Славка ринулся в машину. Он упал на пол в узком пространстве перед креслом и прижался щекой к пыльному резиновому коврику.

– Меня здесь нет, – на всякий случай сказал он девице за рулём, чья золотистая босоножка поблескивала у него перед носом.

– Не дура, – усмехнулась девица, и вспыхнувший огонёк сигареты, словно подтвердил её умственные способности.

Славка вжался в пол и перестал дышать. Сердце, как плохой барабанщик, отстукивало неритмичный рисунок.

По салону метнулся яркий луч фонаря.

– Здесь парень не пробежал? – громыхнул лейтенантский голос. – Высокий блондин, в джинсах и чёрной майке?!

– Пробежал! – Девица выдохнула дым, который причудливыми узорами расплылся в узком потоке света. – Как выскочит перед машиной, как подпрыгнет, как помчится вон в тот пролесок! А чём дело, товарищ милиционер? Он преступник?! Я так и подумала! У него морда зверская! Думала, сейчас изнасилует вместе с джипом!

Удаляющийся топот ног подтвердил твёрдое намерение лейтенанта избородить весь жидкий лесок в поисках Славки Орлика.

– А он с пистолетом, – удивлённо сказала девица. – Ты что, особо опасный? Чего натворил?

– Да, по мелочи, – неохотно признался Славка. – Коттедж бомбанул с друзьями, а там тревожная кнопка сработала. Гошку с Артёмом взяли, а я убежал.

– Дурак ты! Тут везде тревожные кнопки, даже в скворечниках.

– Дурак, – согласился Славка. – Но что делать, если коттедж бомбануть хочется?!

– Да-а, – протянула девушка. – Ты не дурак, ты клинический идиот. Из этого посёлка ещё ни один вор без наручников не ушёл. Курить хочешь? – Она опустила вниз руку и помачала перед носом у Славки пачкой сигарет.

– Не курю, – буркнул Славка.

– Почему?

– Не нравится.

– А что тебе нравится?

– Сладкое.

– Диабета не боишься?

– Я рака лёгких боюсь.

– Ну и кадр! – захохотала девица. – А ведь ты мне теперь обязан своей свободой!

– Спасибо не подойдёт? – приподнял голову Славка.

– Нет, не подойдёт, – язвительно сказала девица.

– Не боишься, что из машины выкину и джип угоню? – удивился Славка.

– Не боюсь. – Она наклонилась и выпустила струю дыма ему в нос. – Кудрявый ты больно. А кудрявые все, в сущности, паиньки. У тебя и глаза, небось, голубые?

– Голубые, – признался Славка. – И ресницы длинные, как у девчонки. Всю жизнь через это страдал. Пожалуй, ты права, я – паинька. Но с дурными наклонностями!

– Это хорошо, – удовлетворённо сказала девица, затушив сигарету обо что-то возле самого носа Орлика. – Это очень хорошо!

Славка поднялся с пола, сел в кресло и посмотрел в окно. Лес, темневший неподалёку, ничем не выдавал присутствия в нём лейтенанта. Орлик подмигнул покровительнице-Луне, внимательно посмотрел на свою спасительницу и удивлённо присвистнул.

Девчонка оказалась красавицей, впрочем, все девчонки за рулём джипов казались Славке красавицами.

– Жениться не обещаю, но могу скрасить твою одинокость своим сумасшедшим обаянием! – предложил Славка.

– Идиот! – усмехнулась глянцевая блондинка. – Неужели я похожа на клушу, у которой дефицит парней?

– Не похожа, – признался Орлик. – Но зачем тогда ты спасла меня? Чтобы посадить на цепь и показывать богатым подружкам? Предупреждаю, я буду сопротивляться!

– Раздевайся, – сказала девица.

– Чего-о?! Ты для секса меня отловила?

– Раздевайся! – повысила она голос, и вдруг сама скинула розовый сарафан, оставшись в красивом белье.

Словно замороженный, Славка стянул с себя джинсы и майку, задаваясь вопросом, не безопаснее ли сдать милиции, чем идти на поводу у богатой сумасбродки. Он хотел стянуть и трусы, но красотка твёрдо сказала:

– Стоп! Ты одеваешь мой сарафан, а я твои драные джинсы.

Она быстро натянула Славкины шмотки.

– Надо же, и размер подошёл! Мне тебя бог послал! Держи мои босоножки, а мне ботинки давай!

– Ты извращенка! – обрадовался своей догадке Славка. – Любишь таскать потную мужскую одежду?!

– Ненавижу. Но мне нужно повернуть одно дельце, и ты мне поможешь.

Славка надел сарафан, критически оглядел розовый шёлк и вздохнул:

– Вот попал, так попал! Лучше бы лейтенанту отдался...

– Ещё не поздно, – усмехнулась девица и выразительно занесла руку над клаксоном, готовая посигналить. – Могу организовать...

– Я пошутил! – перехватил её руку Славка. – Так что ты мне предлагаешь вместо тюрьмы?

– Похороны. Ты пойдёшь на них вместо меня.

– Похороны?! – поразился Славка. – На которых я должен изображать девку?! Не-е, я лучше в тюрьму! – ломанулся из джипа Славка.

– Стой! – крепко схватила его за подол девица и зашептала с такой горячностью, словно от Славки зависела её жизнь. – Послушай, там, за этим длинным кирпичным забором, живут мои дальние родственники. Они очень богатые люди. Вчера от них пришла телеграмма, что умерла бабка. Она мне почти никто, – то ли двоюродная, то ли троюродная прапрабабушка, – в общем, седьмая вода на киселе! Но перед смертью старуха составила список, кого хотела бы видеть на своих похоронах и в этот список отчего-то занесла меня! Мне во что бы то ни стало, под любым предлогом, нужно было выбраться из-под родительского контроля, поэтому я с радостью согласилась сюда приехать. Но... мне нужно незаметно исчезнуть. Исчезнуть так, чтобы никто ничего не заметил! Дело в том, что я очень люблю одного человека. Но у него есть недостаток, из-за которого его никогда не примут в моей семье, а мне никогда не разрешат с ним встречаться. Он беден! Но хуже всего то, что он актёр. Снимается в эпизодических ролях, в сериалах... Я в него верю, а мама нет. Папа орёт, что никогда не впустит в наш дом дешёвого клоуна и лицедея. Короче, я уцепилась за эти похороны, как за единственную возможность побыть три дня с любимым наедине. Помогите мне! Я хотела потихоньку удрать с похорон, в надежде, что моего отсутствия никто не заметит. Но тут под вернулся ты, и я подумала, что...

– Никто не заметит, что внучка стала внучонком, – задумчиво закончил за неё Славка.

– Никто не поймёт, что ты парень! Ты хорошенький как... как девочка! Правда!

– Я знаю. Всю жизнь страдал из-за этого.

– Так что тебе стоит помочь мне? Похоронишь бабушку, поешь вволю, поживёшь в роскоши, отоспишься, а заодно заметишь следы от милиции! Подмени меня, пожалуйста! А я поеду к своему Карпову. Целых три дня счастья! Я верю, что он станет великим артистом, я верю, что рано или поздно он будет богат. И тогда мой папочка сам придёт к нему на поклон! – Глаза у девчонки горели, руки дрожали, а губы выговаривали слова взахлёб.

Славке вдруг показалось, что девушка сумасшедшая, или нет, – одержимая! – что, впрочем, почти одно и то же. Не хотел бы он, чтобы кто-то так самозабвенно его любил, но на всякий случай поинтересовался:

– Скажи, я случайно не лучше твоего Карпова? Может, смогу заменить его?

– Нет.

– Жаль. Но всё равно идея бредовая – послать меня вместо себя хоронить бабушку. Я совсем не похож на тебя! Меня раскусят с первого взгляда!

– В этом семействе меня видели только на фотографиях, и то – детских. Говорю же, непонятно почему бабка внесла меня в этот дебильный список гостей! Уверяю тебя, никто не ничего не заметит. В богатых семьях не принято внимательно относиться к людям. Уж парня от девушки они точно не отличат, если ты сам себя не выдашь.

– Не, я в такие игры не играю, – Славка опять попытался выскочить из машины и удрать прямо в сарафане, но вдруг почувствовал, что в спину упёрлось что-то твёрдое и холодное.

Он медленно обернулся.

Девчонка смотрела на него в упор, сжимая тонкими пальцами пистолет, и было непонятно, от чего больше пробирает мороз по коже – от её жесткого, холодного взгляда, или от нацеленной на него маленькой чёрной дырочки...

Славка тихо и осторожно закрыл дверь.

– Во, попал, – прошептал он.

– Красься, дура, – приказала девица, протягивая ему косметичку.

– Что? Кто дура?!

– Макияж накладывай, – держа его на прицеле, усмехнулась девчонка. – А то, как Ксюша Собчак после отжима в центрифуге.

– Я не умею, – прошептал Славка. – Я не красился никогда.

– Придётся учиться прямо сейчас!

Спорить под дулом пистолета не хотелось, Славка неумело намазал глаза и губы.

– Нормально, – прокомментировала девушка, рассмотрев физиономию Славки. – Вульгарно немного, но для первого раза сойдёт.

– А это... сиськи где взять? – жалобно спросил Славка. – Без сисек девушек не бывает!

– Бывают, – вздохнула девица. Неуловимым движением руки она сняла под майкой бюстгалтер с жёсткими чашками и протянула его Орлику, заметно убавив в размере груди. Славка суетливо проделал все нужные манипуляции, чтобы обзавестись двумя твёрдыми холмиками под сарафаном.

– Красавица, – одобрила его преображение девушка. – И попробуй только удрать с похорон! Если меня будут искать родители, я найду тебя и убью! – Она интенсивно потрясла перед носом у Славки пистолетом.

– Во, попал! – опять прошептал Славка, окончательно убеждаясь, что девка совершенная «крэйзи».

Девушка завела движок, мягко сдала назад, развернулась на мягкой земле, и, проехав метров двести вперёд вдоль «китайской стены», остановилась у шикарных ворот с чугунным кружевом наверху.

– Выйдешь и позвонишь в дверь, – приказала она, играя пистолетом в руке, словно заправский гангстер. – Я уеду, когда начнут открывать калитку. И не вздумай...

Славка выпрыгнул из машины, и, подворачивая ноги на каблуках, побежал к воротам. Демонстрируя безоговорочное подчинение стволу, смотрящему ему в спину, он с силой надавил на кнопку электрического звонка.

– Молодец! – крикнула из машины девица. – Только задом так не виляй, помни, ты приличная девушка из богатой семьи! И возьми мой чемодан, там куча шмоток, косметики и других женских радостей. Удачи тебе, бомбила!

Из машины вылетел чемодан на колёсиках, он прокатился по асфальтированной дорожке и, словно дрессированный, остановился возле Славкиных ног.

«Чертовщина какая-то», – подумалось Славке и показалось, что он вот-вот проснётся на своей койке в общежитии приборостроительного завода... Но бредовый сон лишь обозначился новыми подробностями.

Джип с визгом сорвался с места и в считанные секунды скрылся за горизонтом.

– Стой! Подожди!! – заорал Славка. – А зовут-то меня как?! Кто я?!!

Крик повис в тишине, даже не удостоившись эха. Славка расправил плечи и слегка оттопырил зад. С замирающим сердцем он услышал, как с медленным скрежетом открывается тяжёлая дверь.

«Я девушка, я девушка», – вспомнил Орлик заклинание из известного фильма.

– Я девушка, – вслух сказал Славка, когда калитка тяжело и негостеприимно открылась.

– Вижу, что не Карлсон прилетел, – буркнула пожилая тётушка, отступая на шаг назад, чтобы пропустить Славку на территорию дома.

Волоча за собой чемодан, Орлик пошёл по широкой дороге, поражаясь масштабом, размахом и красотой строений, деликатно освещённых высокими фонарями. Кроме огромного дома тут были какие-то теремки, беседки, бассейны и даже маленькая церквушка.

Вот какой «скворечник» надо было бомбить! А они с Артёмом и Гошкой полезли в бюджетный вариант малоэтажного строительства. Там скрипели полы, орала беспородная кошка, а наличных денег оказалось тридцать рублей в жирной свинье-копилке...

– Хожу тут, как швейцарка, ворота гостям открываю, – проворчала тётушка, шедшая сзади. – А кто мне за это платит? Кто?! – строго обратилась она к Славке.

– Не знаю, – пожал Орлик плечами.

– И я не знаю, – вздохнула тётка. – Никто ничего в этом доме не знает! А я ворота открываю и открываю. Открываю и открываю! – Всплеснув руками, она обогнала Славку, чтобы показать дорогу к центральному входу.

Тётушка была кругленькая, пухленькая и чистенькая. Румяные щёчки подпирали улыбочивые глаза, и всё её недовольство выглядело игрой. Переваливаясь, как утица, тётушка подвела Славку к двери, распахнула её, и завела Орлика в дом.

От ослепительной роскоши, обрушившейся на него, Славка зажмурился.

Что-то подобное он видел в учебниках по истории, где иллюстрировалась дворцовая жизнь царских особ. Анфилады комнат убегали за горизонт, позолота на многочисленных канделябрах слепила вычурным изобилием, пространства и высоты было столько, что Орлик показался себе маленьким, бедным ничтожеством.

– Чего глазёнки закрыла-то? – всполошилась тётка, забирая у Орлика чемодан и прислоня его к стене. – Ты часом не беременная?

– Я девушка, – прошептал Славка, поражаясь, что тётка до сих пор не раскусила его.

– Плохо дело, – покачала она головой. – Но поправимо! Пойдём на кухню, я тебя перевоспитывать буду.

На трясущихся ногах Славка пошёл за ней.

Кухня размерами напоминала танцпол. Орлик сел за барную стойку, тщательно спрятав несуразно длинные ноги в золотых босоножках под стол. Отсутствие педикюра выдавало его с головой, да и грязные пятки женскому образу чести не делали. Душ в общаге работал лишь по ночам, – то время суток, которое Славке недосуг было тратить на личную гигиену.

Посуетившись, тётка поставила перед ним пузатый бокал с коньяком на дне.

Орлик уставился на благородную жидкость с отвратительным запахом.

– Почему не пьёшь? – заботливо спросила служанка. – Неужели крепких напитков не употребляешь?

– Я девушка, – как попугай повторил Славка, поражаясь своей тупости и несообразительности.

– Зато я не девушка! – Тётка опрокинула содержимое бокала в себя, и, утерев рот полотенцем, висевшим у неё на плече, словно бы извинилась: – В этом доме без наркоза никак. Меня, кстати, Ксюней зовут, Ксенией Павловной. Я тут и швец, и жнец, и на дуде игрец. Можешь и кофе в постель у меня попросить, и в комнате своей убрать, и психоаналитиком твоим поработать, и танец живота сплясать, и колыбельную на ночь спеть, и собачку твою погулять...

– У меня нет собачки, – писклявым голосом успокоил её Славка.

– Ну, слава богу! А ты, наверное, Шумихиных дочка? Очень уж на Петра Петровича похожа! Как голову наклонишь – копия! Ты Дианочка?

– Девушка я, – брякнул Славка.

– На лбу напиши! – захохотала служанка, непринуждённо повторив фокус с коньяком и полотенцем. – Да и вообще, нашла чем гордиться! Девушки нынче не в моде. Эх, в наше бы время такую свободу нравов! Я тут, знаешь, что отмочила? – хитро прищурилась тётка.

– Что? Любовника завели? – еле слышно спросил её Славка, которому было глубоко наплевать, что отмочила немолодая служанка, находящаяся под вечным коньячным наркотом.

– Ха! Любовника! Где сейчас хорошего парня найти? Я татуировку сделала, во! – Она задрала рукав форменного синего платья и продемонстрировала предплечье, на котором красовался улыбающийся дракон с жизнеутверждающе задранным хвостом.

– Круто, – похвалил Славка.

– А ты – я девушка, я девушка! – передразнила его Ксения Павловна. – Скрывать надо этот печальный факт. Скрывать и как можно быстрее разлагаться. Вот почему у тебя уши не проколоты? Ногти не покрашены? На голове что?! А плечищи где такие накачала?! Ужас, а не плечищи... Ещё б ты девушкой не была, тебя парни, наверное, за своего принимают!

– На похороны приедет много народа? – перебил её Славка, уводя разговор в сторону от опасной темы.

– Существует какой-то список приглашённых – прикрыв рукой рот, таинственным шёпотом сообщила Ксюня. – Старуха составила его за два дня до смерти. Что ей в голову стукнуло, одному богу известно, только родственников в этом списке кот заплакал, остальные все – малоизвестные люди. Слушай, так ты, наверное, Люська, Шелестовых дочка! В профиль с Марией Петровной – одно лицо! Копия! Надо же, наваждение какое-то: в анфас – Дианочка, в профиль – Люська, а со спины совершенно посторонняя личность...

– Закусывать надо, – надерзил Славка.

– Надо, – легко согласилась Ксюня. – Но тогда какой смысл пить?! – уставилась она на Славку.

Славка пожал плечами. Он не любил алкоголь. Конечно, выпивал иногда с парнями за компанию, но не испытывал от этого никакого удовольствия, а наутро мучился тошнотой и головной болью.

– Ты меня, милая, не осуждай, – нахмурилась тётка. – Поживёшь с моё в этом улье, и не такие дурные привычки приобретёшь.

– А где все? – осмелился спросить Славка.

– Где, где... Возле гроба как глухари токуют. И плачут, и плачут! А чего плакать-то?! При жизни Иду Григорьевну кроме как «чокнутой черепахой» не называл никто! И потом, помереть в сто пять лет, это, извините, бо-о-ольшое счастье!

– В сто пять лет?! – поразился Славка.

– А ты типа возраста своей богатой бабки не знаешь? И на куш с наследства не претендуешь?!

– Претендую! – искренне оживился Славка. – Только это... со счёту в бабкиных годах сбился!

Идея с наследством ему понравилась. Нигде и никто во всём белом свете не мог бы завещать Славке Орлику и ломаный грош. А тут, стоило влезть в чужую шкуру, и на тебе – сразу денежки засветили!

Орлик с воодушевлением огляделся, прикидывая, на какую долю всей этой роскоши он может рассчитывать в облике то ли Люськи, то ли Дианы...

– Пойдём, я тебе твою комнату покажу, – встала Ксения Павловна. – С дороги помойся, переоденься в траур, и мой тебе женский совет – депиляцию сделай! Страх смотреть на твои ножищи. Гроб в гостиной стоит, захочешь потоковать возле него, сходи, потокуй для приличия. А в нуль-нуль полуночи Георгий Георгиевич просил всех собраться в столовой для...

Слушай, не помню точно для чего... Я как ворота открывать стала, так у меня с памятью что-то не очень.

Славка кивнул, будто бы всё понял, хотя абсолютно запутался в незнакомых именах, огромных комнатах и удивительных обстоятельствах. Ксения Павловна посеменила впереди, показывая Славке дорогу среди бесконечных просторов дома.

– Если понадобится, ты кнопку возле кровати нажми, я как Сивка-бурка к тебе прыскачу! – Распахнув какую-то дверь, она устало вздохнула, и, пока Славка делал осторожный шаг в отведённую для него комнату, словно сквозь землю провалилась.

Орлик восторженно огляделся.

Никогда судьба не подкидывала ему шанс пожить в такой умопомрачительной роскоши. Славка прикинул, сколько общаговских коек поместилось бы в этом просторном будуаре, но точного ответа так и не нашёл. Наверное, штук шестьдесят-восемьдесят. А, может, сто...

Живут же люди!

Мысленно заставив это пространство железными кроватями, Орлик расхохотался.

– Я девушка!!! – Он бросился на широкую кровать под тяжёлым розовым балдахином и подрыгал ногами в воздухе. – Девушка я!! Вот только Люська, или Диана?.. – Славка счастливо улыбнулся. Его перестал пугать этот странный дом.

В чемодане он нашёл полный боекомплект гламурной красоты: дорогое бельё, косметику, много одежды с бирками известных фирм, шикарную бижутерию, духи, несколько пар обуви и портрет молодого человека в рамке, очевидно, того самого Карпова – бедного актёра, застрявшего в эпизодах. Никаких документов Орлик в чемодане не обнаружил, поэтому вопрос его имени так и остался открытым.

Славка великодушно поставил портрет на тумбочку возле кровати, и, насвистывая, направился в ванную.

Она была розовая. Розовый кафель, розовая джакузи в форме большой ракушки, розовые светильники, розовые полотенца, розовые мочалки и розовые флаконы с косметикой. Славку слегка затошнило от такого розового однообразия. С трудом разобравшись в кранах, он пустил воду, намешал в неё всего, что нашёл в многочисленных банках и флакончиках, и минут пятнадцать бездумно отмокал в этой вонючей смеси.

Эх, знал бы он, что ему придётся так спешно, внезапно и судьбоносно стать девушкой! Знал бы – внимательнее относился бы к женщинам.

На Славкину смазливую внешность клевало немало девчонок, все они были с губками, щёчками, ресничками, ножками, талиями, причёсками и ужимками, так что, в принципе, Орлик имел представление где что подкрасить, где утянуть, где подложить, как дышать, в какой момент надувать губки, как поводить бровями, как закидывать ногу на ногу и с какой степенью глупости выражать свои мысли... В общем, Славка почти всё знал о женщинах своего возраста, но задача всё равно была не из лёгких. Критически оглядев себя в зеркале, Орлик с энтузиазмом и несвойственной ему тщательностью взялся за свой женский образ.

Депиляцию он проделал с помощью какого-то крема, на этикетке которого был нарисован пляж. Ноги стали бронзового цвета, но волосы никуда не делись. Пришлось пучками выщипывать их странным устройством с полукруглым зацепом. От боли градом катились слёзы, но Славка даже не пикнул, правда, в конце операции вспомнил, что это устройство предназначено для завивки ресниц. Бриться оказалось нечем, но щетина у Орлика была очень светлая и по-юношески незаметная. Она гнездилась исключительно под подбородком и возле ушей. Славка попытался оттереть её куском пензы, но бросил это занятие, найдя его глупым. После избавления от буйной растительности на ногах, всё остальное показалось детской игрой.

Бельё он выбрал с атласным отливом и для гарантии форм набил чашки бюстгалтера туалетной бумагой. Выпуклость под трусами, после долгих раздумий, Славка не смог ликвидировать, поэтому решил надеть широкую тёмную юбку-тюльпан, надёжно скрывающую его субтильные бёдра и выдающиеся половые признаки. Нашлась и блузка с длинными рукавами, под которой были не так заметны широкие плечи и неприличные для девушки бицепсы.

С макияжем он справился быстро, выбрав довольно яркие тона, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его бесконечной женственности. Ногти на ногах и руках Славка накрасил оранжевым лаком, а волосы гладко зачесал назад, соорудив на затылке куцый хвостик.

Образ получился спорным, но убедительным.

Орлик повертелся перед зеркалом.

– Хороша! – похвалил он себя. – Кем будем?! Стервозиной? Паинькой?

«Всего помаленьку», – прозвучал в голове женский голос, и Славка вдруг понял, что интеллигентские байки про «второе я» – суцая правда.

Предстояло «потоковать» у гроба и Славка, нацепив скорбную мину, пошёл в гостиную.

Гроб он искал полчаса.

Заблудившись в бесконечных просторах особняка, Орлик запаниковал.

– Ау-у! – крикнул он, заметавшись по длинному коридору и тычась в закрытые двери. – Эй, кто-нибудь!

– Чего орёшь как в лесу? – раздался за спиной дерзкий голос.

Славка обернулся и увидел девчонку лет тринадцати, с нарочито отрешённым лицом и копной разноцветных дредов на голове.

– Ты кто? – спросила девчонка.

– Родственница, – расплывчато ответил Славка. – Дальняя.

– А-а-а! Маринка Дымова, что ли? Приехала наследство делить?!

Орлик схватил девчонку за ухо. Такие маленькие нахалки вызывали у него раздражение.

– Где гроб? – прошипел он.

– В Караганде, – извернувшись, тинейджерка укусила Орлика за запястье.

– А Караганда у нас где? – Славка отпустил ухо, и, морщась от боли, схватился за место укуса.

– Я тебя провожу. – Девчонка побежала по коридору, Славка как замороженный пошёл за ней, рассматривая полноватую фигурку в вызывающе красных лосинах.

Дался ему этот гроб... Пообещал Ксении Павловне «потоковать» возле него и отчего-то решил непременно исполнить своё глупое обещание. А может, вверх взяло любопытство, и Славке просто захотелось увидеть баснословно богатую бабку, померевшую в нереальном возрасте ста пяти лет?..

Да, любопытство у Орлика было самым неуправляемым качеством, после неудержимого желания воровать всё, что плохо лежит.

– Проходи, – девчонка распахнула перед Орликом дверь. – С бабой Идой прощаются здесь!

Славка шагнул в комнату, где горели сотни свечей. От сквозняка языки пламени задрожали, и вся гостиная будто бы завибрировала вместе с белым гробом, который стоял на высоком столе.

Дверь за спиной у Славки закрылась. Отчётливо щёлкнул замок.

– Открой! – в панике заорал Славка, заколотив кулаками по дубовой поверхности. – Открой, маленькая дрянь! Я сейчас дверь взломаю! Я уши тебе оборву, малолетка!

– Скажи, кто ты, открою, – в замочную скважину сказала девчонка.

– Родственница я! Дальняя! Ты меня знать не знаешь!

– Ну и сиди там, раз я тебя знать не знаю.

Послышались удаляющиеся шаги.

– Стой! – заорал Славка. – Стой, я тебе, я тебя... – Он замолчал, не зная, что посулить, или чем напугать богатую, избалованную тинейджерку.

– Постарайся к полуночи явиться в гостиную! – крикнула она звонко. – Мой папочка собирается что-то сказать гостям!

– Во, попал... – прошептал Славка.

Он медленно повернулся к гробу, чувствуя, как от ужаса дрожат ноги и потеют ладони. Никогда Славка не был в таких мистически-устрашающих обстоятельствах, никогда не оставался наедине с покойником в закрытой комнате, никогда не видел столько горящих свечей.

Пахло воском, дорогими духами, сигарным дымом, и ничуть – смертью. Скорее всего, в таком возрасте душа отлетает с особенной лёгкостью, а тело не выдаёт обычных признаков разложения, решил Славка, делая осторожный шаг к гробу.

Старуха лежала, скрестив на груди тощие руки, и оттого, что сотни свечей вокруг трепетали огнём, казалось, что она дышит, что веки её приоткрыты, а пальцы подрагивают.

Выглядела она на все двести десять лет... Тёмно-коричневая кожа на открытых участках тела сморщилась, как жжёный пергамент. Её пальцы, черты лица, череп с остатками жидких волос, – всё было вытянуто, искорёжено, деформировано, покрыто буграми, бородавками и жуткими, чёрными пятнами.

Бабка была высокой, наверное, под метр восемьдесят. Орлик отродясь не видел таких длинных старух и таких огромных гробов. Но весь ужас состоял в том, что это древнее тело из каких-то диких соображений решили похоронить в свадебном наряде... Фата кокетливо прикрывала почти лысый череп, на груди пенились белоснежные кружева, длинное платье с широкой юбкой кокетливо оставляло открытыми золотистые туфли, а жемчужно-перламутровый гроб по периметру был украшен атласными белыми лентами, бантами и искусственными розами. Не хватало кудрявой куклы у изголовья и двух скрещённых колец.

Орлику отчётливо захотелось с воплем выброситься в окно, но он сдержал неразумный порыв.

– Старая ведьма, надеюсь, ты не взлетишь, и не будешь гонять в гробу по комнате, – прошептал он, пересилив страх и склонившись над бабкой. – Не хотел бы я дожить до твоих ста пя... – Славка не договорил, потому что на черепаховой шее что-то ярко и зазывно блеснуло.

Орлик знал этот блеск, он не раз манил его с витрин ювелирных салонов, где – увы! – стояла сигнализация, а бдительный охранник с выразительной кобурой на поясе буравил взглядом всех посетителей, не давая Славке даже подумать, как бы незаметно залезть в витрину и спереть что-нибудь бриллиантово-золотое. С замирающим сердцем, почти не дыша, Славка протянул руку к морщинистой шее, подцепил пальцем широкую золотую цепочку и... вытянул на свет огромный крест с россыпью драгоценных камней. Многочисленные грани бриллиантов, изумрудов, рубинов и сапфиров с готовностью поймали отблески свечей и те заплясали, слепя Славку невиданной роскошью. Этот винегрет из разноцветных камней был отчаянно некрасив и безвкусен, но наверняка стоил целое состояние.

– Ого-го! – забыв о смятении и страхе, воскликнул Славка. – Ого-го-го!!! – радостно отбил он ногами нечто похожее на чечётку.

Он моментально прикинул, что отсутствие креста на шее покойницы в этом сумасшедшем доме вряд ли кто-то заметит, зато Серый из скупки даст Орлику за него...

Славка лихорадочно пытался сообразить, сколько сможет выручить за такую грудку драгоценных камней, но даже приблизительная сумма не вырисовывалась в его возбуждённом мозгу.

В любом случае, ему хватит на то, чтобы удрать из страны, замести следы, и, не голодая, прожить какое-то время под пальмами. Крест манил, дразнил и притягивал... Даже бабка в свадебном облачении не казалась уже такой страшной и отвратительной. У Орлика голова пошла кругом от перспектив. Он никогда не обворовывал мёртвых, но всё когда-то случается в первый раз.

– Господи, прости! – Подняв глаза к потолку, Славка перекрестился левой рукой, правой одновременно расстёгивая на цепочке замочек. Перед глазами стремительно сменяясь, поплыли картинки красивой жизни. Вот он едет на «Мерседесе», непременно «кабриолете» с откинутым верхом. Горячий ветер обдувает его лицо, рядом сидит красотка с иссиня-чёрными волосами и кубинским загаром. Она болтает ерунду по-испански, то и дело целует его, а Славка непринуждённо рулит и знает, что впереди жаркая ночь в бунгало на берегу океана. Или нет – он курит сигару на балконе собственного дома с колоннами, а внизу, на зелёной лужайке возле бассейна с лазурной водой, в шезлонгах лежат девчонки с иссиня чёрными волосами и кубинским загаром. Нет никакого сомнения, что они говорят по-испански... Или нет, он – хозяин крупной фирмы, сидит в своём кабинете, задрав ноги на стол. В дверь с заискивающей улыбкой заходит секретарша с кубинским загаром и иссиня-чёрными волосами. Наткнувшись на жёсткий взгляд шефа, она вздрагивает, роняет поднос с серебряным кофейником и начинает бурно оправдываться, конечно же, по-испански. Или нет, выясняется, что он – правнук Фиделя Кастро и вся власть на острове во время неизлечимой болезни деда принадлежит ему. А так как он ни черта не смыслит в испанском, то ему полагается черноволосая переводчица всё с тем же необыкновенным кубинским загаром...

Славка, конечно же, понимал, что Серый столько не даст за крест, чтобы все вокруг были шоколадными, черноволосыми и испаноязычными, но мечтать, как говорил физрук в интернате, «полезно для опорно-двигательного аппарата».

– Йес! – тихо воскликнул Славка, потянув крест на себя.

В этот момент костлявая рука, словно змея, взметнулась в гробу и крепко вцепилась ему в запястье.

Славка не смог заорать. У него не хватило сил даже пикнуть от ужаса. Очевидно, он потерял сознание, потому что на какое-то мгновение выпал из жуткой, нереальной действительности.

– Ни одна сволочь никогда так нагло не обворовывала меня! – словно сквозь вату услышал он хриплый старческий голос.

– Вы живы? – прошептал Славка.

– Живёхонька, – усмехнулась старуха и широко зевнула, показав беззубую пасть. – И если б не твои вороватые ручки, никто бы об этом не догадался! – Она вырвала крест из Славкиных пальцев и сунула его под маленькую подушку. – Хочешь, я вызову милицию?

– Вы труп! – выкрикнул Славка. – Вы труп, труп, труп! А милиция на заявления трупов не реагирует! И потом... у вас нет телефона!

– Ха! А это ты видел?! – Старуха выхватила из-под подушки в рюшках симпатичный мобильник, украшенный стразами, и помахала им перед носом у Славки. – А насчёт заявлений от трупов, ты ошибаешься, милочка. Примут, как миленькие! От моего драгоценного трупа – примут! – Старуха сладко потянулась, и приготовилась набрать ноль два.

Второй раз за вечер Славка рисковал загреметь в каталажку. Причём, теперь – за кражу в особо крупных размерах, совершённую с особым цинизмом, если, конечно, такая формулировка существовала в известном кодексе.

– Пойдите! – взмолился он. – Я вовсе не хотел... не хотела украсть у вас крест! Я только рассмотрел бы его поближе и вернул... вернула на место! Клянусь койкоместом!

– Каким ещё койкоместом?! – выпучила глаза бабка. – И отчего ты так злоупотребляешь мужским родом? Ты кто – трансвестит, извращенец, или просто переодетый придурок?

– Я девушка. Уже как часа полтора, – мужским вариантом голоса сказал Славка, понимая, что на этот раз крепко попался. – Чёрт с вами, вызывайте свою милицию, только попросите посадить меня в мужской изолятор.

Старуха захохотала. Звонко, весело и очень молодо. Фата тряслась на её голове, как приспущенный капитулянтский флаг.

– Молодец! – нахохотавшись, похвалила она Славку. – Люблю, когда такие красотки просят посадить их в мужской изолятор!

Славка безнадежно махнул рукой.

– Хреновая из меня девушка, – признался он.

– Покойница из меня тоже не лучше, – улыбнулась старуха. – Ожила, как только ты попытался обворовать меня! Этот крест стоит всего каких-то шестьдесят тысяч долларов. Даже мои оглоеды на него не польстились, решили похоронить вместе с ним. А ну, проходимец, признавайся, как в дом попал, зачем в девку переоделся и что тебе здесь нужно! – Она сунула телефон под подушку, поудобнее уселась в гробу и с весёлым любопытством уставилась на Орлика.

Орлик тяжело, глубоко и обречённо вздохнул. Эта старая ведьма, эта сморщенная от старости черепаха, держала сейчас его судьбу в своих искорёженных, узловатых руках.

Может, напугать её, чтобы сдохла?!

Славка умел орать Кинг-Конгом и строить рожи, от которых вахтёров в общежитии увозили на «Скорой».

– Только не думай, что у меня слабое сердце, и я помру от любого стресса, – словно просканировала его мысли старуха. – Моего мотора на десять жизней хватит. Говори правду, или упеку тебя в женскую камеру! Вот девчонки повеселятся! – захохотала она.

Неожиданно для себя Орлик вдруг рассказал старухе о событиях сегодняшнего вечера, включая бегство от вневедомственной охраны и вынужденное переодевание в девушку. Путаясь в ненужных подробностях и рассчитывая разжалобить стопятилетний «мотор», Славка заодно поведал о своём полуголодном детстве, дурных компаниях и жестоких нравах интерната, в котором он воспитывался до семнадцати лет.

– Понятия не имею, кто я в этих женских тряпках! – стукнул он себя в грудь. – И ничего дурного я не хотел! Только похоронить вас и сразу удрать в общежитие! У меня в понедельник на заводе смена...

– Тебя нравится мой гроб? – вдруг спросила старуха, кокетливо поправляя бантик у изголовья. – Скажи, правда, красивый?!

Орлик почувствовал, как мурашки атакуют его с головы до ног.

– К-красивый, – заикаясь, ответил Славка. – Беленький такой, в розочках...

– А платье? Тебе нравится моё платье?!

– Н-нравится. Беленькое, в рюшечках... Отличное платье! Только зачем вам этот маскарад?! – заорал он. – Я т-теперь никогда не женюсь!

– Я хочу, чтобы мои похороны мне запомнились. Прежде чем помереть, я сама заказала всё в свадебном салоне и ритуальной конторе. А знаешь, почему я умерла?! – жутким шёпотом спросила она.

– Н-нет.

– От старости! Неприлично быть живой в сто пять лет. Господи, как классно лежать в гробу и ждать своих похорон! Ничего подобного я в жизни не испытывала, даже когда получила в наследство от американского мужа свои миллионы!

Славка отчётливо понял, что старуха чокнутая, и ему опять захотелось сигануть в окно.

– И не думай удирать от меня! – опять прочитала его мысли старуха. – Мы заключим с тобой соглашение. Я молчу, что ты проходимец и вор, а ты...

– Что я? – попятился Славка к двери.

– А ты никому не говоришь, что я нахожусь в полном здравии. Ещё ты принесёшь мне одеяло, а то холодно – жуть! Семейка включила кондиционеры, чтобы я не протухла. Но и это ещё не всё! Я есть хочу. Ночью притащишь мне булки с корицей, кофе, коньяк и сигары.

– Кошмар, – сказал Славка. – Какой кофе, какие сигары?! Вас похоронят завтра! В землю живьём заруют!

– Не заруют, – спокойно возразила старуха. – Гроб просто поставят в семейный склеп, который я год назад построила на территории дома. Я стану в нём первым жильцом, и ты будешь таскать мне туда булки, сигары, коньяк и кофе.

– Почему я?!

– А кто ещё? Все думают, что я померла!

– Ну, не-ет! – Славка в искреннем возмущении начал мерить шагами столовую, то и дело натываясь на многочисленные предметы мебели. – Нет, нет и нет!!! У меня в понедельник смена! Я токарь и практически фрезеровщик! Я рабочий, а не прислуга богатым покойникам! Я склепов боюсь, в сигарах не разбираюсь, кофе всегда проливаю, а булочки по дороге съедаю! Нет, я на завод, к станку.

– Ты бездарь, мошенник и вор, а никакой не рабочий, – отрезала старуха. – Будешь мне булки таскать, заплачу тебе хорошие деньги. Не согласишься, всё равно будешь таскать, только бесплатно.

– И когда я на работу выйду? – прошептал Славка, понимая, что старуха обладает гипнотическими способностями, что он дико боится её и не посмеет ослушаться.

– Когда я разрешу.

– Меня уволят! Койкоместа лишат!

– А мне плевать. Нужно, чтобы кто-то таскал мне булки, иначе я коньки отброшу от голода.

– Господи! – схватился за голову Славка. – Как же вам удалось так достоверно помереть? Кто констатировал смерть?!

– У меня врач хороший. Сказано – помер, значит, помер, – улыбнулась бабка. – А ты какой-то очень странный вор-фрезеровщик. Далась тебе эта работа! Тоже мне, токарь!! Да я тебе столько заплачу, что ты целый год сможешь ничего не фрезеровать. А если выполнишь ещё одну мою просьбу, то и все три!

– Какую? – спросил Славка, понимая, что первый раз в жизни его не привлекают деньги.

– Кроме доставки булок, сигар, коньяка и кофе, ты будешь в мельчайших подробностях докладывать мне обо всём, что происходит в доме. Кто что сказал, с кем поговорил, на кого посмотрел, о чём предположительно подумал... Сто тысяч долларов, если ты на это согласен!

– Сто тысяч долларов и драгоценный крест, – твёрдо посмотрел старухе в глаза Славка. Удирать расхотелось. За такие огромные деньги Орлик готов был не только бегать с подносом в склеп, но и поработать шпионом. Перед глазами опять замелькали картинки с кубинским колоритом. Теперь он почему-то был пастором в церкви, а прихожанки бились шоколадными лбами о пол и на чистом испанском вымаливали прощение за связь со священнослужителем...

– Держи! – пошарив в гробу, старуха швырнула ему сверкающий крест. Славка поймал его на лету и сунул в карман юбки-тюльпана, не веря своему счастью. – Всё равно он вышел из моды, – равнодушно сказала старуха. – Это тебе аванс. Вздумаешь с ним удрать, найду и убью.

– Меня и без вас есть кому убивать, Ида Григорьевна, – вздохнул Славка, вспомнив девушку с пистолетом.

– Вот и отлично, Штирлиц. – Старуха улеглась в гроб, сложила на груди руки, закрыла глаза и как будто перестала дышать. – Задуй, пожалуйста, свечи, страшно достал этот живой огонь. И не забудь принести одеяло!

– Может, лучше выключить кондиционеры? – нагнулся над ней Славка. – Не слишком ли подозрительно – покойница под одеялом?!

Сухая ручонка снова взметнулась в гробу, крепко схватила Орлика за нос и дёрнула так, что Славка едва не упал.

– Больно!!! – завопил он.

– Делай, что говорю, а то окажешься в женской камере. Ой, я тогда тебе не завидую! – не открывая глаз, захохотала старуха.

Славка задул половину свечей, и подёргал дверь, забыв, что она закрыта.

– Ручку вверх до упора, а потом резко вниз, – раздался голос из гроба. – И держись подальше от Нелли, она тебя быстро раскусит.

– Вы не знаете, кто я? – на всякий случай уточнил Славка, открыв по предложенной схеме дверь.

– Сам выясняй, Штирлиц. А я опять умерла.

Не успел Славка уйти, как в гостиной раздался громкий, жизнеутверждающий храп.

В столовой собралось много народу.

– Здравсьте, – испуганно пробормотал Славка, и? убедившись, что на него никто не обращает внимания, бочком пробрался к большому столу, который холодным блеском напоминал ледовый каток.

Он устроился на краешке стула, рядом с очень красивой дамой в шляпке-таблетке с чёрной густой вуалью.

– Здравсьте, – ещё раз поздоровался Славка. Дама, не отреагировав на приветствие, поджала длинные ноги туфлях на огромной шпильке.

Славка понятия не имел, как вести себя в таком обществе.

Он вообще плохо соображал после общения с ожившей старухой. Немного подумав, он закинул ногу на ногу и женственно подпёр подбородок рукой.

Сто тысяч долларов и крест, за который в скупке дадут не меньше пятидесяти!

О таком безумно выгодном дельце он и мечтать не мог. Вот только не наврала ли старуха, а если не наврала, то как бы не померла раньше времени от старости и дурных привычек. Надо бы заменить ей сигары, коньяк и кофе на молоко, надо бы одеяльце потеплее принести ночью...

– Все в сборе? – спросил худощавый мужик с «чарли чаплиновскими» усиками. Он осмотрел всех, кто сидел за столом с гримасой лёгкого пренебрежения и презрения.

– Диканские ещё не приехали, а Ребровы застряли на Гоа из-за цунами, – равнодушно пояснила изящная женщина, сидящая от него по правую руку. Тонкими пальцами она трепала на шее ожерелье, отсвечивающее всеми цветами радуги. Из траура на ней была только чёрная кокетливая заколка, придерживающая на затылке медовые волосы.

– Ребровы всегда находят цунами, а Диканские вечно путают похороны со свадьбой, – хмыкнул голубоглазый парень с высветленными волосами и бриллиантовой серьгой в ухе.

– Замолчи, Крис, – нахмурился усатый мужик. – Твой юмор здесь неуместен.

– Мой юмор везде неуместен, – огрызнулся Крис, и, подёргав себя за серёжку, злорадно добавил: – Кроме канала «ПопШоу ТВ»!

– Где твои дурацкие шуточки постоянно запикивают! – выкрикнула Нелли, тряхнув разноцветными дредами.

– Молчать! – повысил голос хозяин, и Славка вдруг понял, что усы у него не «чарли чаплиновские», а гитлеровские. – Я собрал всех здесь, чтобы сообщить, что...

– Что никому из вас, господа, от жирного бабкиного пирога ничего не достанется! – захохотал Крис и закинул ноги на стол.

– Вон отсюда, – ледяным тоном приказал усатый. – Вон! – он по-фюрерски выбросил руку вперёд, указывая на дверь. – Я не посмотрю, что ты мой сын! Выгоню из дома за хамство и разгильдяйство!

– Ой, да пожалуйста! – Крис встал, вразвалку дошёл до двери и выпал за неё, дурашливо споткнувшись на пороге.

– Крис у нас селебрити, – улыбнувшись, пояснила гостям Нелли. – Знаменитость! Он самый популярный телеведущий на самом популярном музыкальном канале. За его снимок в трусах газеты дадут пару тысяч долларов, а без трусов и того больше. Папахена это сильно раздражает, потому что его голая жопа не стоит и пяти долларов...

– Молчать!!! – заорал «папахен», теряя контроль над собой. – Полина... – жалобно обратился он к женщине с траурной заколкой и в вызывающе сверкающем ожерелье. – Полина, прекрати немедленно это безобразие...

– Нелли, тебе не стыдно? – рассматривая маникюр, равнодушно спросила Полина девчонку. – Продолжай, дорогой, Нелли больше не будет грубить.

– Собственно, начать я хотел с того, что похороны состоятся завтра в три часа дня. Прошу всех собраться в гостиной для прощания с умер... усоп... с нашей дорогой Идой Григорьевной. После похорон все приглашаются на поминальный обед, а потом...

– На поминальные танцы! – выкрикнула девчонка, уклоняясь от подзатыльника, который ей попыталась отвесить Полина.

– Я отправлю тебя на учёбу в закрытый пансионат и выделю тридцать рублей в день на расходы, – пригрозила она.

– Тридцать рублей! – закатила глаза девчонка. – Мамахен, у тебя приступ щедрости?! Я согласна в закрытый пансионат, там наверняка кормят мясом и разрешают выкурить одну сигаретку между уроками. А ещё там много лесбиянок, мамахен! Я видела их только в кино...

– О, господи, – закатил глаза отец семейства, потирая грудь с той стороны, где находится сердце.

– Немедленно выйди, – приказала Полина дочери. – Немедленно! – Она даже привстала в порыве гнева, хотя глаза у неё оставались равнодушно-холодными, как блеск ожерелья на шее.

Нелли радостно подскочила со стула и побежала к двери, где демонстративно споткнулась, повторив трюк своего звёздного братца.

Славка еле сдержался, чтобы не захохотать. Совсем не такими он представлял отношения в благородных семействах, живущих в огромных особняках. Он думал, тут все отвешивают друг другу поклоны, делают реверансы и разговаривают исключительно через «миловидный государь» и «дорогая сударыня». Забыв, что он девушка, Славка игриво подмигнул черноволосой красотке, сидевшей прямо напротив него. У неё была смуглая кожа, глаза как перезревшие сливы, и вполне возможно, она умела бегло говорить по-испански. Красотка интеллигентно приподняла брови, ответив Славке тонкой улыбкой. Орлик хлопнул себя по нашалившему глазу и срочно сделал лицо пуританки.

Чёрт, как бы запомнить, что его не интересуют женщины?.. Как бы запомнить, что он сам с ножками, губками, ресничками, и грудью второго размера из туалетной бумаги? Славка нащупал в кармане крест, мысленно проговорил сумму «сто тысяч долларов» и дал себе слово, что будет внимательнее к своей женской сущности.

– Все вы знаете, – продолжил тем временем свою незадавшуюся речь глава семейства, – что Ида Григорьевна перед смертью составила список гостей, которых хотела бы видеть на своих похоронах. Я исполнил её последнюю волю. Я обзвонил и пригласил всех, кто внесён

в этот список. Думаю, нам нужно представиться и коротко рассказать о себе, ведь большинство из нас ничего друг о друге не знают. Три дня нам предстоит провести вместе, три дня по воле покойной мы будем жить бок о бок. После похорон её адвокат зачитает завещание. Что в нём – одному богу известно. Все знают, что покойница была дамой экзальтированной, непредсказуемой, а главное – чудовищно богатой и не подчиняющейся никаким общепринятым правилам.

– Гоша! – укоризненно вскинула на него глаза Полина. – Георгий!!

– Да, да, – осекся Георгий. – Я немного отвлёкся. Меня, что называется – понесло. Итак, предлагаю всем немного рассказать о себе. Меня зовут Гошин Георгий Георгиевич, я внук Иды Григорьевны, мне пятьдесят пять лет, у меня сеть клиник эстетической хирургии. Они приносят приличный доход, но это жалкие гроши по сравнению с теми доходами, которые моя бабка имела от своих акций. Мой отец, единственный сын Иды Григорьевны, погиб шесть лет назад на охоте от случайного выстрела. Моей жене Полине тридцать шесть лет, она художник-дизайнер, и хотя давно не работает по специальности, много рисует, её выставки пользуются большим успехом, а картины хорошо продаются. У меня есть сын Крис от первого брака, нашу общую дочь Нелли вы все видели. Вообще-то, они нормальные ребята, но у одной сейчас переходный возраст со всеми завихрениями максимализма, а у второго... звёздная болезнь. Поклонники рвут его на части, поэтому у парня слегка притупилось чувство реальности. У меня всё, господа. – Гошин сел и вытер платком пот со лба. Речь далась ему нелегко. Лёгкая степень презрения, которую он явно испытывал ко всем присутствующим, не давала расслабиться, быть искренним и приветливым. – Прошу вас, по очереди... – Гошин кивнул на Орлика, и у Славки сердце укатилось куда-то от страха, что он внятно не может сказать о том, кто он.

– Я Алина Сметанина, – спасла его дама в вуальке, сидевшая рядом, – младшая сестра Полины. Я тоже художница, мои выставки тоже пользуются успехом, а картины хорошо продаются. Не замужем, детей нет, на наследство не претендую. Иду Григорьевну я очень любила, считала её своей подругой и часто забегала к ней на чай. Она говорила, что я талантливее Полины и помогала мне снимать самые дорогие залы для выставок.

Полина громко фыркнула и выразительно отвернулась от сестры.

Гошин поморщился.

– Ну, Ида Григорьевна кому только не помогала, кто только не считал её своей подругой, и с кем только она не пила чай, – произнёс он бесцветным голосом.

Дама возмущённо взбила свою вуальку и нервно сцепила пальцы в чёрных прозрачных перчатках.

– На наследство не претендую, – фыркнув, повторила она.

– Дальше! – раздражённо приказал Гошин.

– Я Фёдор Башка, – встав, представился огромный мужик в мешковатом костюме и неприлично розовой для столь скорбного повода рубашке. – Ида Григорьевна шутила, что влюблена в меня.

– Думаю, не шутила, – усмехнулась Полина. – Она обожала таких медведей, в особенности, если они были лет на восемьдесят моложе её.

– Если быть кратким, она спасла меня от тюрьмы, – сухо продолжил свой рассказ Фёдор. – Я приезжал к ней в гости два раза в год и вывозил её на природу. Ида Григорьевна со спиннингом сидела на берегу речки, а мой друг в водолазном костюме цеплял на крючок рыбу, чтобы доставить ей радость. Я приехал лишь для того, чтобы проводить Иду в последний путь. Никакие деньги мне нужны.

– Какие все бескорыстные, – язвительно пропела Полина.

– Дальше! – процедил Гошин.

– Я Лидия Федина, – склонила голову девушка, с которой Славка по недоумию начал заигрывать. – Ида Григорьевна была моей опекуной. Мои родители погибли в автомобильной аварии, едва мне исполнилось четырнадцать лет. Гошина взяла на себя все заботы обо мне. Она оплачивала моё обучение, одевала, кормила, наняла штат прислуги и сделала всё, чтобы я не попала в детдом. Я пришла бы на её похороны, даже если бы она не внесла меня в этот странный список гостей. Я не жду никакого наследства от Иды, я просто очень любила и бесконечно уважала её.

– Дальше, – не дав жене выступить с комментариями, сказал Гошин.

– Мы братья Архангельские, – пробасил атлетичный, бритый наголо парень, кивнув на точную свою копию – такого же атлетичного и бритого парня, сидевшего рядом с ним. – Близнецы Глеб и Павел. Не пытайтесь нас различить! Это не удавалось даже нашей маме. Ида приходилась ей двоюродной прабабкой по линии отца, значит, мы приходимся Гошиной... – Парень замолчал, пытаясь сформулировать степень родства со старухой.

– С боку припёка, седьмая вода на киселе, – усмехнулась Полина.

– Можно и так сказать, – согласился близнец. – Тем не менее, бабка отчего-то захотела нашего присутствия на своих похоронах. Честно говоря, мы не отказались бы получить от неё на память несколько сотен тысяч евро. Это бы сильно скрасило наше холостяцкое существование, правда, Глеб? – подмигнул он своему близнецу-братцу и тот показал в улыбке два выбитых передних зуба. Наверное, чтобы никто не обольщался таким отличием, Павел тоже растянул губы, продемонстрировав точно такое же отсутствие передних зубов. – Мы хоккеисты, – пояснил он.

– Понятно. Больше хоккеем никто не балуется? – обвёл Гошин глазами присутствующих. – Нет?! Может, ещё есть спасённые Идой Григорьевной от житейских невзгод, нищеты, тюрьмы и болезней?!

– Есть! – с надрывом сказала бесцветная женщина неопределённого возраста. Она единственная из всей компании была в откровенном трауре и то и дело промокивала глаза носовым платком. – Меня она спасла от невзгод, нищеты и смерти! Я потеряла единственного сына. Он... погиб. Спасаясь от невыносимого горя и желания покончить с собой, я попала в секту, где мне пообещали прозрение, просветление и скорую встречу с моим мальчиком. В результате я осталась без квартиры, дачи и денег. Всё забрала секта. Ида Григорьевна оказалась за рулём машины, под которую я бросилась, чтобы свести счёты с жизнью. Она вернула мне желание жить, дала денег и купила квартиру. Меня зовут Рада Родимцева. Я обязана Гошиной всем. Ида тоже внесла меня в список гостей, но кроме как на прощание с ней я ни на что не претендую.

Гошин картинно захлопал в ладоши.

Полина криво улыбнулась, а Алина Сметанина закинув вуальку на шляпу, уставилась на странную женщину так, будто у той на голове расцвёл куст сирени.

– Надеюсь, она не авантюристка, – сказала Алина, вернув вуальку на место.

– Все мы тут в некотором роде авантюристы, – вздохнул Георгий Георгиевич.

«Это уж точно, – подумал Славка. – Знали бы вы, что покойница спокойно дрыхнет в гробу, и стёкла дрожат от её храпа!».

Знали бы они, что Славка шпион, посланный старухой в стан – то ли врагов, то ли друзей, то ли родственников, то ли прихлебателей у её сытной кормушки. Судя по рассказам, Ида Григорьевна Гошина была матерью Терезой, в жилетку которой то и дело утыкались совершенно посторонние люди.

– Меня зовут Мила Брагина, – чинно представилась девушка в роговых очках и с дурацким платочком на шее. – Я репетитор Иды Григорьевны.

– Кто?! – хором спросили все.

– Репетитор по французскому языку. Она платила мне двести долларов за урок, и я два раза в неделю занималась с ней.

– Какой к чёрту французский? – пробормотал Гошин. – У неё же ни одного зуба не было, а французский без зубов...

– Да и русский с присвистом! – захохотали братья Архангельские, сверкнув щербатыми улыбками.

– Гошина была очень хорошей ученицей, – серьёзно сказала Мила. – Она обладала прекрасной памятью, а отсутствие зубов почти не сказывалось на произношении. Когда она меня нанимала, то объяснила, что хочет читать в подлиннике французскую литературу – Бальзака, Стендаля, Мопассана. Честно говоря, старуха вызывала у меня огромное уважение, но я не понимаю, почему она захотела пригласить меня на свои похороны, ведь, в принципе, мы с ней посторонние люди.

– Бабуленция собрала сброд у своего гроба, а нам расхлёбывай, – тихо проворчала Полина, нервно теребя ожерелье.

– Простите, – извинился за жену Георгий Георгиевич. – Просто мы перенервничали за последние два дня. Ида Григорьевна умерла как-то странно и неожиданно, несмотря на возраст. У меня всегда было нереальное ощущение, что она переживёт всех – меня, моих детей, моих внуков и правнуков. А тут...

Я с семьёй живу в другом доме, за прудом, который находится на территории этого огромного поместья. Наш особняк поменьше, и я не раз предлагал бабке поменяться жилищем. Зачем старухе такие огромные апартаменты? Но она была упряма и очень заботилась о своём статусе самой богатой женщины. Правда, пресса к этому почётному званию добавляла «самая старая», отчего Ида Григорьевна просто свирепела. В общем, бабка гордо жила на тысяче квадратных метров и ни в какую не соглашалась переехать на более уютную площадь. Прислуживали ей Ксения Павловна и старик-садовник. Мы встречались всей семьёй только по выходным и праздникам. Иногда Ида Григорьевна приглашала нас позировать для журналистов, которые приезжали, чтобы сделать материал о «великолепной Гошиной». Все привыкли, что старуха на здоровье не жалуется и помирать в ближайшие сто лет не собирается. Но в субботу вечером позвонила Ксюня и, захлёбываясь слезами, рассказала, что Ида Григорьевна... лежит в гробу в подвенечном платье. Когда она умерла, кто её передел и уложил в гроб, горничная понятия не имела. Она поводила у хозяйки перед носом зеркальцем, убедилась, что она мертва, вызвала семейного врача и позвонила нам. Мы думали, это розыгрыш, примчались, но всё оказалось в точности, как рассказала Ксюня. Бабка лежала в гробу, в белом платье, а в руках у неё торчала записка: «Обязательно пригласите на похороны всех этих гостей» и... список людей, половина из которых мы знать не знали.

Врач сказал, что она умерла от старости. Оригинальный диагноз! Впрочем, какая разница... О существовании завещания нам сообщил адвокат Иды Григорьевны. Честно говоря, мы ничего хорошего от последней воли покойной не ждём. Очень уж она была... добренькой. – Гошин безнадежно махнул рукой и сел.

– О покойниках или хорошо, или очень хорошо! – засмеялся высокий старик в серой войлочной панаме, которую одевают в сауну. – Кстати, я родной брат Иды Григорьевны, Феликс Григорьевич Гошин, – раскланялся он во все стороны. – Мне всего девяносто пять, и я о-очень не против, чтобы сестрица оставила мне пару тройку своих миллиончиков!

– Зачем вам миллиончики? – сквозь зубы процедила Алина. – Вы же старый, помрёте вот-вот!

– Э-эх, детка! Продолжительность жизни напрямую зависит от количества грошей, шуршавших в кармане! Пойдёшь за меня замуж, если Идка отпишет мне часть наследства?! – Феликс Григорьевич, надвинул на глаза смешную шапчонку и неприлично поболтал в воздухе языком.

Сметанина вспыхнула под своей чёрной вуалью.

– Старый пердун, – отчётливо выговорила она. – Дохлая ворона за тебя замуж пойдёт!

– Сама ты ворона.

– Прекратите! – возмутился Георгий Георгиевич. – У нас тут похороны, а не балаган.

Вы, девушка, ещё не представились, – обратился он к Славке.

Славка встал, сел, потом снова встал.

– Я... – с женственным придыханием начал он, – я родственница. Дальняя. Очень дальняя. Крайняя слева в последнем ряду. Вы посмотрите список, там наверняка есть моё имя! Ой, колготки за стул зацепились... – Орлик нырнул под стол, чтобы сделать вид, что возится с затяжкой, но обнаружил, что никаких колготок на нём нет. – Я родственница! – крикнул он из-под стола.

– Я потерял список гостей! – Гошин, нагнувшись, в упор посмотрел на Славку.

– Врёте, – подмигнул ему Славка.

– Сколько дэн у ваших колготок?! – ехидно поинтересовался Гошин.

– Нуль-нуль, как говорит Ксюня.

– Вы идиотка?

Все гости по очереди склонились под стол. Славка видел их перевёрнутые, покрасневшие лица и отчего-то испытал нечто вроде триумфа. Никогда у него не получалось так «держать» аудиторию.

– Вы идиотка?! – переспросил Гошин.

– Да это же Женька Суковатых! – воскликнула Полина, сверкая под столом ожерельем. – Её мать – сестра двоюродного брата тестя покойной сестры третьего мужа Иды Григорьевны, который был на тридцать лет моложе её, и умер в семьдесят девятом году от лимфогрануломатоза!

– Сама поняла, что сказала?! – посмотрел на жену Гошин.

– А что непонятного? – удивилась жена. – У них в семье все... суковатые. На всю голову.

Народ начал медленно вылезать из-под стола.

– Не Суковатых, а Сероватых, – сверился Гошин со списком, который достал из внутреннего кармана. – Суковатыми их дразнили.

– Да нет, Сероватыми их дразнили!

Славка сел на стул. Имя Женька, в принципе, его устраивало, предстояло выбрать фамилию.

– Так как ваша фамилия, девушка? – нахмурился Георгий Георгиевич.

– Нехай Суковатых, чтобы Сероватых дразнили, – подумав, принял решение Славка.

– Я запуталась, – пожаловалась Сметанина. – У меня голова болит!

– Все свободны, господа. Все свободны! – Гошин резко развернулся и направился к выходу.

– Но там кто-то ходит! – с трагическим надрывом воскликнула вдруг бывшая сектантка Рада Родимцева. – Ходит и кашляет!

– Где? – замер Гошин.

– В комнате, где стоит гроб! Там кто-то ходит, кашляет и сморкается! У меня спальня рядом, я слышу всё через стенку...

– Попросите коньяку у Ксюни, – устало распорядился Георгий Георгиевич. – У неё он всегда есть.

– Я не пью коньяк! – испугалась бесцветная Рада.

– А вы начните! Последствия от него гораздо приятнее, чем от посещения секты. Ваше имущество останется цело, а в гостиной с гробом сразу станет тихо.

– Вы считаете меня сумасшедшей? – перекрестилась Родимцева.

– Я считаю, что вам полезно принимать коньяк на ночь, – отрезал Гошин и вышел из столовой, чеканя шаг. За ним с разной степенью поспешности потянулись все остальные.

Выходя последним, Орлик спёр с камина часы, показавшиеся ему золотыми.

Когда в доме всё стихло, Славка пробрался на кухню.

Булочки он нашёл в глубокой миске, под полотенцем, коньяк в буфете, а сигары в коробке на подоконнике. Сложив всё это в бумажный пакет, он принялся за приготовление кофе, но, подумав, заменил его на молоко в пакете. Кофе в сто пять лет пить вредно, решил Славка, опираясь на свои скудные познания в медицине. Коньяк и сигары опасений у него почему-то не вызвали.

На цыпочках Орлик прокрался в гостиную, захватив из своей комнаты розовое одеяло.

– Где тебя черти носили? – спросил скрипучий голос из гроба.

– Так это... заседание заседали, – смутился Орлик, будто отчитывался перед начальником смены. – А потом я ждал, когда все заснут. – Он пристроил пакет с продуктами рядом с гробом, хотел накрыть старуху, но она резко отбросила одеяло и села в гробу.

– Что Гошка затеял? – ворчливо спросила Ида Григорьевна.

– Просил гостей назваться, потому что толком никто друг друга не знает.

– Назвались? – хохотнула старуха.

– Да. Но я никого не запомнил! У меня на лица и имена память плохая.

Вот тут Славка соврал. На лица память у него была хорошая, а на имена ещё лучше. Но старухе знать это было необязательно, пусть думает, что он простой, тупой и жадный.

– А ты кем представился? – спросила Ида Григорьевна, хитро шурясь из-под фаты.

– По вашему списку вышло, что я какая-то Евгения Суковатых.

– Евгения?! Суковатых?! – Старуха захохотала так, что едва не вывалилась из гроба.

Славка еле успел её подхватить, когда она дала резкий крен вправо. – Ой, не могу! – схватила Ида Григорьевна за живот. – Ой, помру сейчас! Евгения Суковатых?! Ты?! Гошка со своей грёбаной пластической хирургией совсем память потерял, дуралей! Говорила я ему, гимнастикой на свежем воздухе занимайся, а он – блефаропластика! Липосакция! Грудные протезы анатомической формы! Тьфу!!

– Тише! – взмолился Славка. – За стенкой живёт бывшая сектантка, она слышит, как вы тут шумите!

– Радка, что ли?! Плевать! Она дохлая муха и мнительная корова. Пусть слышит, что хочет, ей никто не поверит. – Старуха потянулась к бумажному свёртку и достала пакет молока.

– Что это? – уставилась она на пакет. – Ты что мне притащила, болванка?!

– Болван, – обиженно поправил её Славка. – Это молоко, пятипроцентное, цельное. Пейте...

Пакет немедленно полетел в Славку, обдав его молочными брызгами и плюхнувшись маленькой бомбочкой на пол.

– Где кофе?! – заорала старуха и опять чуть не вывалилась из гроба, дав резкий крен влево.

– Кофе в вашем возрасте – смерть, – твёрдо сказал Славка, убирая бумажный свёрток подальше, чтобы старухе не пришлось в голову метать в него всё, что он принёс.

– У моей смерти приключился склероз, так что кофе мне не поможет. Вернее, не навредит! – Ида Григорьевна ловко перекинула ноги через борт гроба и любовно оправила складки белого платья. – Чеси на кухню и свари крепкий кофе! – приказала она.

– Не пойду, – нахмурился Славка. – Кофе вредно.

– А ты молодец, с характером, – неожиданно похвалила его старуха.

– Просто я боюсь, что вы раньше времени копыта откинете и со мной не расплатитесь за сервис в гробу, – признался Славка.

– И честный! – восхитилась Ида Григорьевна. – Сейчас таких дуралеев днём с огнём не сыщешь. Тебя как звать?

– Зовите Орлик.

– Это кликуха?

– Фамилия.

– Красивая. И со смыслом!

Ида дотянулась до бумажного свёртка, вытряхнула из него булки, сигары, бутылку коньяку, вытащила из-под ритуальной подушки зажигалку и закурила, закинув ногу на ногу. – В тюрьме сидел?

– Нет, только в армии служил.

– В каких войсках?

– Строительных.

– Разве это войска? Лучше уж в тюрьме отсидеть, больше пользы будет!

– Вы так говорите, будто сами сидели, – прищурился Славка.

– Сидела! В двадцать восьмом году так жрать захотела, что спёрла калач в булочной. Какой был калач! С маком, с хрустящей корочкой! Сейчас таких не пекут. Я его прямо у прилавка съела, сил не было убежать. Меня там и повязали. Я на суде кричала, что дырка в этом калаче была больше, чем сам калач, но мои доводы оставили без внимания и дали десять лет.

– Десять лет? – ужаснулся Славка. – За одну дырявую булку?! Это несправедливо.

– Отсидела я пять. Вышла по ошибке, вернее, почти сбежала. В тюрьме сидела моя полная тёзка, она умерла за два дня до своего освобождения. Меня выпустили вместо неё. Э-эх! Всё бы сейчас отдала за тот голодный двадцать восьмой год, за калач с маком, за свою молодость...

Столбик пепла упал с сигары в гроб. Ида отложила сигару, взяла булку и с аппетитом стала жевать её, запивая коньяком прямо из бутылки.

– Вы, Ида Григорьевна, совсем не заботитесь о достоверности своей смерти! – возмутился Славка. – Уж не знаю, почему вы решили всех надуть со своей преждевременной кончиной, но зачем было затевать этот цирк, если в гробу крошки, пепел, а от покойницы несёт перегаром?!

– Ха!!! – Ида Григорьевна с размаху плюхнулась в гроб. В воздухе мелькнули её золотые туфли. – Моей смерти так заждались, дорогой Орлик, что на её достоверность всем глубоко плевать. Меня похоронят, даже если я буду распевать песни и играть на гитаре. Чёрт, что-то жжёт сзади... Сколько я Гошку просила, сделай мне подтяжку ягодиц, сволочь! Обвисшая задница доставляет женщине больше неприятностей, чем обвисшая морда. А он – нет таких методик, нет таких методик, в твоём возрасте наркоз противопоказан! Хочешь, говорит, я тебе уши отреставрирую? Это и без наркоза можно. Внук называется... Слушай, ты не находишь, палёным пахнет?

– Чёрт! – Славка рывком поднял Иду Григорьевну и вытащил из под неё тлеющую сигару. На белом платье, чуть пониже спины, красовалось прожженное чёрное пятно. – Вы, блин, тут пожар ещё устройте, покойница, – проворчал он, затушив сигару и выбросив её в открытую форточку. – Сигары тушить надо!

– Память-то девичья, – вздохнула старуха. – Скажи, о чём вы болтали в столовой?

– Да ни о чём, – отмахнулся Славка. – В основном все твердили о том, что им не нужны ваши деньги. А ещё никто не понимает, почему именно их вы захотели пригласить на свои похороны. Только ваш брат Феликс, да близнецы-хоккеисты честно признались, что не отказались бы от наследства.

– Феликс! – громко фыркнула Ида Григорьевна. – Бездельник, балбес, но душа-человек. А хоккеисты – сипматяги, если им зубы вставить! Значит, говоришь, никто на мои деньги не претендует? И не понимает, зачем я их позвала?! – Она подмигнула Славке, и ему опять стало жутко. А вдруг бабка на самом деле мертва, а болтает, курит, подмигивает, жрёт булки и пьёт из бутылки коньяк её неугомонный фантом?! Этот гроб, белое платье, фата, золотые туфельки, – господи, неужели он такой идиот, что согласился поить и кормить труп?.. Может, ну её, эту бабку, и этих гостей, может, удрать в своё общежитие, на свою продавленную, железную койку, и будь что будет! Сдадут его Гошка с Артёмом – сядет; не сдадут – продаст драгоценный крест, купит квартиру, мотоцикл и заживёт по-простому: клубы, девчонки, работа, дом... Ну их, этих богатых старух, и дома дворцового типа!

Он так проникся своими сумбурными мыслями, что невольно отступил к двери.

– Завтра всех ждёт сюрприз, – пробормотала старуха. – Слышь, Орлик, ты мой горшок вынеси...

– Что? – не понял Славка.

– Я ж не святой дух, Орлик! У меня ночной горшок под стулом припрятан. Вынеси его, а то негигиенично лежать.

Нет, не фантом, успокоился Славка, фантомам горшки не нужны...

Он припрятал за портьеру пустой бумажный свёрток, в котором принёс продукты, прикрыл старуху розовым одеялом, отыскал под стулом ночной горшок и приготовился незаметно выйти из комнаты, пока бабка не выдвинула новых требований.

– Во сколько завтра мои похороны? – спросила она, когда Славка взялся за ручку двери.

– В три часа дня, – припомнил Славка заявление Гошина.

– В пятнадцать ноль-ноль, темнота! – поправила его Ида и тут же громко захрапела, заснув внезапно и быстро, как засыпают только старые люди и младенцы.

– Какая разница? – проворчал Славка, брезгливо держа на отлёте горшок.

Он уже был в коридоре и осторожно оглядывался, чтобы не попасться никому на глаза, как «покойница» вдруг тихо сказала:

– У кого дракон, тот и убил...

– Что?! – обернулся Славка, но в ответ услышал лишь длинный выдох с присвистом и храп на вздохе.

Изображая покойницу, старуха не только ела, пила коньяк, курила в гробу и пользовалась горшком, но и говорила во сне. Усмехнувшись, Орлик быстро закрыл за собой дверь, чтобы никто случайно не услышал бабкину болтовню.

Не успел Славка сделать и двух шагов, как из соседней комнаты вылетела Рада Родимцева.

– Вы слышали?! – зашептала она, схватив его за рукав. – Нет, вы слышали?! Только что, из гостиной, где стоит гроб, раздавались голоса! Мужской и женский! Женским разговаривала Ида Григорьевна, я точно знаю! – Рада схватилась за свои пылающие щёчки и страдальчески закатила глаза.

– Вы коньяк на ночь принимали? – строго спросил её Славка.

– Нет, – ещё больше покраснела Родимцева и вдруг доверчиво сообщила Орлику: – Я боюсь!

– Чего? – не понял Славка.

– Понимаете, Женечка, – Рада доверчиво взяла Славку под руку и повела по коридору, как врач, желающий объяснить родственнику, что за больным нужен специальный уход. – Понимаете, если я хоть раз выпью, я сразу умру. Я пила, после того, как отписала квартиру секте, страшно пила, и Ида Григорьевна настояла на том, чтобы я закодировалась. Так что мне нельзя ни грамма спиртного, ни грамма! Хотя, иногда страшно хочется... Слушайте, а

чем это так дурно пахнет? – Рада резко остановилась, принялась и уставилась на горшок. Славка быстро сунул его под фикус, очень кстати попавшийся на пути.

– У вас галлюцинации, – сухо сказал он Раде. – Слуховые, обаятельные и зрительные. Это часто бывает у закодированных людей.

– Да?! Значит, никаких голосов в гостиной не было?

– Нет.

– И вы не выносили оттуда ночной горшок, которым при жизни часто пользовалась Ида Григорьевна?

– Нет.

– И у вас на шее нет адамова яблока, которое бывает только у мужчин?!

– Нет!

– Хорошо, хорошо... – Сгорбившись и обхватив себя руками за плечи, Родимцева развернулась и шаткой походкой пошла в свою комнату. – Галлюцинации... Может, всё-таки я не умру, если выпью совсем чуть-чуть?

Славка припустил вверх по лестнице, не заботясь о женственности движений. Надо же – «адамово яблоко»! Рассмотрела, старая гримза! А он совсем забыл, что кадык на шее выдаёт принадлежность к мужскому полу.

Ворвавшись в свою комнату, он бросился к чемодану искать шейный платок или шарф. Не найдя ничего подходящего, Славка решил проблему, намотав на шею в три ряда крупные бусы. Впрочем, на сегодня событий хватит, решил он, но, – только хотел снять женские тряпки и рухнуть в кровать, – как в дверь постучали.

– Кто? – припал он ухом к двери.

– Откройте, Женя! Это Лидия Федина. Вы меня помните?

Из всей толпы, по большому счёту, он помнил только её. Её чёрные волосы, забранные в тугой хвост, её насмешливый взгляд из-под густой чёлки, её смуглую кожу и фантастическую фигуру. Впрочем, фигуру Славка толком не рассмотрел, но был уверен, что при такой чёлке она фантастическая.

Он чересчур поспешно открыл дверь.

Лидия оказалась чуть выше его – совсем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы не лишать его шансов, окажись он опять мужчиной. Фигура её так и осталась загадкой, потому что оказалась упакована в длинный махровый халат.

– Привет! – улыбнулась Федина Славке. – Не спишь? Хочу позвать тебя в бассейн.

– Куда? – удивился Славка.

– Здесь есть шикарный бассейн с вышкой. Пойдём, попрыгаем и поплаваем.

– Пойдём, – обрадовался Славка.

Это был шанс побыть с ней наедине. Это была возможность рассмотреть нюансы её фигуры. Такие девушки не работали на заводе, таких девушек он не встречал в ночных клубах, туда, где они обитали, простым парням вход был заказан.

Славка выскочил за дверь, схватил Лидию за руку и потянул к лестнице.

– А халат? – засмеялась Лидия. – А сланцы? А полотенце? Куда ты несёшься, бассейн находится совсем в другом крыле дома!

– Почему ты позвала меня с собой? – Славка резко остановился и уставился ей в глаза.

– Ты мне понравилась, – ответила Лидия. – У тебя одной в этом доме простое, человеческое лицо – доброе и бесхитрое. Правда, чересчур сильно покрашенное. – Она расмеялась.

Славка сделал вид, что обиделся. Он точно знал, что все женщины обязаны обижаться на замечания о своём внешнем виде, поэтому надул губы, нахмурил брови и нервно защёлкал пальцами.

– Не обижайся! – Лидия обняла его за плечи и простодушно чмокнула в щёку. – Просто с таким гримом ты выглядишь провинциалкой. Хочешь, я научу тебя краситься так, будто ты только что умылась и сияешь свежестью?

– Мне плевать, как я выгляжу, – буркнул Славка, едва не выдав себя с головой низким голосом и подозрительным равнодушием к тонкостям макияжа.

– Я же говорю, что в этом доме ты лучше всех! – Лидия схватила его за руку и увлекла за собой в нужное крыло дома, на первый этаж.

Бассейн оказался огромным.

Здесь можно было бы проводить чемпионаты мира по плаванию и прыжкам в воду, но он был собственностью богатой старухи.

– Ого! – восхитился Славка, рассматривая восьмиметровую вышку под потолком. – Зачем старушке такое сооружение? Она на досуге сигала в воду?

– Ида Григорьевна любила всё самое лучшее. Сама она, конечно, не прыгала, но гостям всегда предлагала развлечься, – объяснила Лидия и... одним незаметным движением скинула махровый халат, оставшись лишь в красных стрингах.

Славка про себя восхищённо присвистнул. Фигура у Фединой превзошла все его ожидания. Какие там к чёрту нюансы! Она была гармонична и пропорциональна как молодая пантера, от неё веяло естественностью и силой, а воздухе витали электрические разряды, словно во время шальной грозы. Танцовщицы бразильского карнавала выглядели бы рядом с ней неуклюжими коровами и щипанными курицами. Её загар был изысканного, бронзового оттенка, будто гениальный художник долго смешивал краски, прежде чем добиться такого эффекта.

Славка жадно прощупал глазами Лидию, женственно накручивая свой кудрявый локон на палец.

– Раздевайся! – закричала она и побежала на вышку.

Раздеться Орлик не мог. К сожалению, он осознал это только сейчас и понятия не имел, как из этой ситуации выкручиваться.

– Чего ты ждёшь, Женька?! Иди ко мне! Или ты высоты боишься?!

Можно было сказать «боюсь», но мужская Славкина сущность воспротивилась этому простому ответу.

– Тут так здорово, что дух захватывает! Скидывай тряпки, иди сюда!

– Я... – Славка вспомнил, что есть железная женская отмазка, но вдруг напрочь забыл, как она называется. Если бы эта Федина имела привычку носить лифчик, то такого конфуза с ним бы не приключилось. – У меня того... этого... ме... ме... ме...

Блин, это было какое-то сложное медицинское слово, употребляемое почему-то во множественном числе. Первый слог вспомнился, да и слово, в принципе, крутилось на языке, но Славка не мог его выговорить.

– Критические дни?! – выдала Лидия спасительную подсказку, раскачиваясь на упругом «языке» вышки.

– Они, сволочи, такие критические... – В волнении Славка сел на пластиковый стул, стоявший на краю бассейна в стайке таких же столов и стульев.

Оттолкнувшись от «языка», Лидия взмыла вверх, сделала два кувырка в воздухе и мягко, почти без брызг, вошла в воду.

Это был высший пилотаж. Для таких прыжков нужны были тренер, деньги и многочасовые, упорные тренировки. Славка, конечно, умел плавать, но так мастерски прыгать... Слава богу, что по легенде у него эти самые несчастные дни, и он может не плюхаться в воду с невероятной, головокружительной высоты.

Лидия подплыла к бортику, улыбаясь, блестя тёмными глазами и белоснежными зубами. Если бы всё-таки у неё была привычка носить лифчик, Славка был бы гораздо умнее,

сообразительнее и смелее. Не то, чтобы он мало видел раздетых женщин, нет, просто Лидия была особенная – раскованная и свободная в движениях, мыслях, поступках; она не искала выгодных ракурсов и красивых поз, не подбирала умных слов, и в этом была удивительна и прекрасна, впрочем, может быть, она вела себя так только лишь потому, что Славка был для неё провинциальной простушкой, не умеющей краситься. Славка уже десять раз проклял свою женскую шкуру. Как она жмёт, как мешает, как унижает! Это только в фильмах смешно – переодеваться в женщину, а в жизни – обидно, противно и неудобно.

– Ты не знаешь, зачем Гошин заставил нас представляться друг другу? – спросила Лидия, подтянувшись на руках и усаживаясь на край бассейна. – Ведь мы уже были в таком составе чуть больше года назад, на дне рождения у Иды Григорьевны. Она не дожила до ста шести лет буквально несколько дней! До её дня рождения в этом году осталось меньше недели. Но главное, мы все друг друга более-менее знаем, неужели, дядя Гоша об этом не помнит?

– Да ну? – удивился Славка, стараясь не смотреть на Лидию, чтобы не выдать себя слишком заинтересованным взглядом.

– Я только тебя почему-то не помню, а так, всех, если не по именам, то внешне запомнила.

– Я болел, – быстро отреагировал Славка и мгновенно поправился: – Болела! Я не смогла придти на день рождения Иды Григорьевны в прошлом году, поэтому понятия не имею, кто у неё был. – Как же ему надоело выкручиваться и говорить о том, о чём он понятия не имел!

– Жаль. Ида Григорьевна такая чудачка! Пригласила на своё столетие как гостей из светской тусовки, так и простых, никому не известных людей. Ну и что из этого получилось?! – Лидия беспечно поболтала ногами в воде, подняв фонтан брызг.

– Что?! – спросил Славка.

– Несчастный случай, вот что! – Она прыгнула в воду и поплыла размашисто и красиво, – то ли брасом, то ли кролем, то ли баттерфляем. Славка понятия не имел о стилях, зато он имел возможность любоваться длинной загорелой спиной, которая то уходила под воду, то выныривала на поверхность.

– А что случилось-то? – спросил он не столько из любопытства, сколько для поддержания разговора.

– Неужели не знаешь?! – Лидия оттолкнулась от противоположной стенки бассейна и начала заплыв в обратном направлении. – Об этом все газеты писали, в «Новостях» по телевизору рассказывали. На дне рождения у Иды Григорьевны погиб Павел Горазон!

– Горазон?! – поразился Славка.

Павла Горазона знали все. Причём, не только в стране, но и за рубежом. Горазон был одним из немногих российских актёров, которого приглашали работать в Голливуд. Романтические комедии, боевики, слезливые мелодрамы, – он не был актёром одного амплуа, ему по плечу были любые роли, любые оттенки чувств, а его сумасшедшее обаяние затмевало порой никудышную режиссуру и плохие сценарии. Каждый фильм с его участием становился хитом. Каждое его появление на публике – праздником. Его называли «человеком-фейерверком». Несмотря на возраст – а актёру было хорошо за сорок, – Горазона любили как молодые, так и люди в возрасте.

Каждый год он брал в своей стране все самые престижные кинопремии, а однажды был в шаге от Оскара – помешала голливудская вертихвостка, которая отличилась тем, что проигнорировав силикон, снялась со своим натуральным нулевым размером груди и это было признано верхом обаяния и естественности. Таким геройством Горазон отличиться не мог, но он и так был любимчиком миллионов зрителей. Может быть, удивительное сходство с

Джорджем Клуни добавляло ему этой любви и обеспечивало участие в голливудских проектах.

У Горазона была «голливудская» внешность, хорошее знание английского языка, блестящие физические данные и прорва таланта, который режиссёры не использовали и на половину. Он всегда был немного глубже и чуть утонченнее, чем того требовала роль. Он играл взахлёт и взахлёб, будто шёл на эшафот, будто готов умереть на вздохе, будто эта роль для него последняя.

Славка обожал Горазона. Пиратские копии фильмов с его участием он покупал по дешёвке у знакомого барыги на рынке и бережно хранил под койкой, хотя особого смысла в этом не было. В общаге DVD-плееров не водилось, и смотреть диски удавалось только на заводе, в бывшей «ленинской» комнате, где стояли приличный видеоплеер и телевизор.

А ещё Славка любил представлять себя знаменитым актёром. Таким же знаменитым, как Горазон. Он принимал перед зеркалом эффектные позы, и – странное дело! – находил в себе поразительное сходство с Павлом Горазоном. Словно Славка был его младшим братом. Или племянником. Славка не очень разбирался в родственных связях, потому что являлся стопроцентным сиротой, подброшенным в корзинке к крыльцу больницы в возрасте двух дней от роду.

Была бы возможность, Орлик взял бы у Горазона автограф. Была бы возможность, он... выкрал бы у Горазона часы, бумажник, или бриллиантовый зажим для галстука, – не для наживы, нет! – просто на долгую и приятную память. А ещё Славка обязательно спросил бы Горазона как стать знаменитым артистом. Что почитать, куда поступить, к кому обратиться... Конечно, шансов для этой карьеры у Орлика не было никаких, но поговорить на эту тему с известным человеком очень хотелось.

Мечтам не суждено было сбыться. Однажды в новостях сообщили, что российский Джордж Клуни погиб. То ли утонул, то ли отравился, то ли на машине разбился....

Славка не имел интереса к чужим смертям. И хоть продолжал при случае смотреть в «ленинской» комнате фильмы с участием Горазона, прежнего интереса к личности актёра уже не испытывал.

Какой смысл интересоваться покойником?!

И перед зеркалом он перестал красоваться, отыскивая с ним сходство.

Какой интерес походить на героя, которого нет в живых?!

– В газетах писали, что он утонул! – крикнул Славка, и гулкое эхо бассейна донесло его слова до Лидии.

– Горазон не утонул, он разбился в этом бассейне! – в ответ крикнула Лидия.

– Да ну?! – удивился Славка. – Почему в этом бассейне? Что значит – разбился?!

Лидия легла на спину и поболтала ногами в воде. Зрелище было сумасшедшее. Славка закрыл глаза. Что толку смотреть, если...

Орлик с отвращением потрогал свою грудь с начинкой из туалетной бумаги.

Знали бы на родном шарико-подшипниковом, чем он тут занимается!

Славка решительно открыл глаза, протянул Лидии руку и резким рывком вытянул её на берег.

– Какая ты сильная! – восхитилась она, усаживаясь на пластиковый стул. – Хочешь, чтобы я рассказала тебе про гибель Горазона?

Славка кивнул, хотя не был уверен, что ему это интересно. Больше всего на свете он хотел, чтобы Лидия надела халат и перестала смущать его наготой мокрого тела. Больше всего на свете он хотел опять стать балбесом Орликом и перестать корчить из себя подружку-приятельницу, которой интересны сплетни из светской жизни.

– Тогда слушай, – оживилась Лидия. – Это очень странная история. Такая странная, что когда я о ней вспоминаю, у меня до сих пор мурашки по коже бегут! – Она вытащила из кармана сигареты и зажигалку. – Будешь?

– Не курю.

– А я завтра брошу. – Лидия прикурила, затянулась и, прищурившись, посмотрела на Славку сквозь сизый дым. – Ида Григорьевна принимала в карьере Горазона большое участие, – сказала она. – Когда он ещё не был известен, она свела его с нужными людьми и даже являлась спонсором первых фильмов с его участием. Конечно, Горазон был в числе приглашённых на её день рождения в прошлом году! Всего гостей было человек пятьдесят: члены семейства, все те, кто приехали сегодня на похороны, а остальные – знаменитости. Политики, писатели, певцы, композиторы, олимпийские чемпионы... Ида очень любила окружать себя такими людьми. И знаменитости любили её, потому что знали, что дружба с женщиной, входящей в десятку самых богатых людей страны, принесёт им успех и признание. Фуршетные столы были накрыты прямо на улице. Вокруг били фонтаны, в небо взмывали фейерверки. Время от времени кто-нибудь из гостей пытался произнести тост в честь именинницы, но Ида начинала громко хохотать на словах «Дорогая Ида Григорьевна!», или распевать «Очи чёрные» на призыве «Давайте выпьем за хозяйку этого дома!»

Она любила смущать людей. Ставить их в нестандартные ситуации, а потом наблюдать, как они себя поведут. Знаменитости в этих экспериментах не были исключением. О её чудачествах писали светские хроники, рассказывали байки и даже сочиняли анекдоты. В тот вечер всё шло по правилам светской вечеринки: выпивка, разговоры, сплетни, знакомства, шутки и танцы, пока... пьяный Фёдор Башка не задумал сказать тост. На словах «Умница ты наша, дорогая Ида!» Гошина вызывающе громко запела романс. Она сидела на кресле с высокой спинкой и аккомпанировала себе, притопывая ногой. Раньше у неё был красивый грудной голос, но с возрастом он стал скрипучим и очень противным. Павел Горазон, который к тому времени тоже прилично напился, вдруг оглушительно расхохотался. Наверное, он хохотал над Башкой и его неудавшимся высокопарным тостом, но Фёдор решил, что актёр смеётся над скрипучим пением Иды Григорьевны, и ринулся в драку. Оба были пьяны, а для мужиков в таком состоянии достаточно косога взгляда, чтобы зачесались кулаки. Они стали мутузить друг друга как подростки, затеявшие разборки во дворе. Гости расступились, со столов полетела посуда, фейерверки затихли. Горазон дрался красиво, используя приемы рукопашного боя и проводя удары так, будто его снимали на кинокамеру. Башка просто махал кулаками как мельница, и, кстати, небезуспешно. Пару раз он так засандалил Паше, что тот улетал в кусты и выползал оттуда на четвереньках. Ида обрадовалась неожиданному развлечению, сунула два пальца в рот и засвистела. Гости тоже повеселели, они мигом разделились на два лагеря: одни болели за Федора, другие за Горазона.

– Паша, морду береги! – орал кто-то. – Тебе ею работать!

– Фёдька, ты почему левой не бьёшь?! – кричала Ида Григорьевна. – Лупи его, шельму, левой, смотри, как он открылся!!

Вдруг сверкнула фотовспышка, и послышался характерный звук профессиональной камеры, делающей подряд несколько снимков. Кто-то сфотографировал драку! Это было невероятно, возмутительно и совершенно недопустимо на закрытой вечеринке, где все доверяли друг другу, не боялись за свою репутацию и уж тем более не опасались, что их фотографии в пьяном виде попадут в прессу!

Эта вспышка могла означать только одно – кто-то решил нажиться на пьяной драке знаменитого актёра Горазона с деревенским увальнем Фёдором Башкой!

Горазон и Башка застыли, перестав драться. Толпа возмущённо колыхнулась.

– У кого камера?! – грозно спросила в наступившей тишине Гошина и стукнула палкой, на которую опиралась. – Кто фотографировал?! – заорала она, но гости только молча переглядывались.

Башка растерянно развёл руками и зачем-то вывернул карманы брюк, будто подтверждая, что не он сделал снимки собственной драки.

– Если завтра в газетах появятся мои фотографии, я... я... – В приступе бессильной ярости Горазон начал боксировать воздух. У него был порван пиджак, волосы стояли дыбом, галстук съехал набекрень, а глаза светились бешенством. В таком виде он был лакомым кусочком для жёлтой прессы.

– Все в бассейн, – приказала Ида Григорьевна.

– Зачем? – удивился Фёдор, но ответа не получил.

Заинтригованная толпа потянулась в дом.

– Сейчас все разденутся и проплывут несколько метров! – объяснила Гошина. – У кого фотокамера, тот не сможет этого сделать, потому что одежду нужно будет вывернуть наизнанку, а в белье аппарат не спрячешь!

– Я не умею плавать! – возмутилась Алина Сметанина. – Я дико боюсь воды!!!

– Ничего, просто разденешься, – успокоила её Гошина.

Идея гостям понравилась. И хотя это смахивало на самосуд и несанкционированный обыск, все с энтузиазмом принялись раздеваться. Мужики с удовольствием демонстрировали свою мускулатуру и доведённые до совершенства в тренажёрных залах торсы, а у известных дам появилась возможность продемонстрировать дорогое бельё от лучших кутюрье.

Ида Григорьевна, стуча палкой о пол, обходила гостей и самолично проверяла карманы. Те, кто подвергся обыску, весело плюхались в воду. Даже Георгий Георгиевич, даже Полина, его жена, и их сумасбродная дочка Нелли не стали перечить бабке – разделись, и, показав все тайные закоулки своей одежды, прыгнули в бассейн. Они как никто понимали, какой скандал разгорится, если фотографии попадут в прессу.

– Ба, надеюсь, я могу не лезть в воду? – капризно спросил Крис и картинно закашлялся, изображая простуду. – Надеюсь, ты понимаешь, что мне ни к чему фотать пьяного Пашку, размахивающего кулаками?

– Выверни карманы, – приказала ему Гошина, дав понять, что ничем не выделяет своих домочадцев.

Крис вздохнул, повертел у виска пальцем и с трудом вывернул карманы плотно облегающих джинсов.

– Завтра вызову Фрадкина, чтобы он сделал тебе ингаляцию, – проворчала Ида Григорьевна.

– Кто это – Фрадкин? – поинтересовался Славка, увлечённый рассказом Лидии так, что почти забыл, что она голая и безупречно красивая.

– Сэм Константинович – семейный врач. Он работает у Иды Григорьевны много лет, знает болячки всех членов семьи и пользуется бесконечным доверием даже у дяди Гоши. – Лидия беспечно бросила недокурную сигарету прямо в бассейн. – Так вот, ты не поверишь, но чтобы гости не почувствовали себя униженными, Ида сама разделась и демонстративно вытрясла своё платье. Никто глазом моргнуть не успел, как она доковыляла до края бассейна и свалилась в воду! Раздетая столетняя старуха – зрелище, конечно, не очень привлекательное, но на Гошиной было красивое, закрытое бельё и она так непосредственно себя вела, что никому в голову не пришло осудить её за этот дикий поступок. Наоборот, послышались аплодисменты. Горазон разделся, нырнул в бассейн и помог Иде Григорьевне выбраться за берег. Фёдор оттеснил Горазона и накинул на Гошину принесённый из раздевалки махровый халат.

И тут опять мелькнула вспышка!

Горазон просто озверел.

– Убью!!! – заорал он и начал оглядываться, пытаясь высмотреть у кого в руках фотоаппарат. Но все гости плавали, Крис ушёл, а на берегу оставались только Гошина, Башка, Горазон и Ксюня, которая держала поднос с шампанским и была вне подозрений.

Это не лезло ни в какие ворота!

Ида Григорьевна громко захохотала.

И опять вспышка! Непонятно где, и откуда...

Кто-то завизжал в бассейне, кто-то заматерился, некоторые вылезали из воды и убежали в душ, прикрывая руками лицо. Более скандальной ситуации трудно было представить.

Горазон побежал вдоль бассейна.

– Если эти снимки появятся завтра в газетах – засужу! Кто пустил гниду в дом?! Убью! В тюрьму засажу!!!

– Успокойся, Пашка, – тихо сказала Ида, – я выкуплю у редакторов информацию, кто продал им снимки, скуплю все тиражи и напшигую ими негодя по самое горло.

Горазон немного успокоился, схватил у Ксюни с подноса шампанское и выпил залпом целый бокал.

– Дрянь, – пробормотал он, и было непонятно к чему это относится – к шампанскому, или к фотографу-невидимке. – Нет, ну какая дрянь!

– Эй, Пашка! – закричал кто-то. – А слабо повторить трюк Дрога?!! Докажи всем, что в фильме ты сделал его сам! Пусть тебя сфотографируют, такая реклама только на пользу!

– Трюк Дрога! – восхитился Славка. – И он сделал его?! Действительно сделал?!

Иван Дрог был сериальный герой, отличавшийся крутым нравом и обезьяньей ловкостью. Художественного смысла в бесконечных злоключениях Дрога не было никакого, да и логики тоже, но невероятные кульбиты, которые он проделывал, спасаясь от приставучих злодеев, отличались невероятной сложностью и держали зрителей у экранов в напряжении на протяжении ста сорока серий. В своих интервью Горазон не раз заявлял, что работает без каскадёров и все трюки делает сам. Но то и дело всплывали спортивные ребята, которые тоже давали интервью и убеждали поклонников актёра в том, что Горазон пользуется их услугами в особо сложных и опасных эпизодах. Одним из самых запоминающихся трюков был прыжок со скалы. Бандиты пытались убить Ивана Дрога, но тот с завязанными глазами и связанными за спиной руками, под градом пуль, взбегал по узкой дорожке на вершину горы, нырял оттуда в бурную реку и выплывал через несколько метров живым и невредимым. При этом он умудрялся под водой развязать себе руки и снять повязку с глаз. Трюк снимался одним кадром, о монтаже не могло быть и речи, поэтому Горазон хвастался, что от начала до конца всё выполнил без каскадёра.

Лидия вздохнула и достала из пачки новую сигарету.

– Завтра брошу, – прикурив, сказала она и продолжила свой рассказ: – Знаешь, почему никто из гостей не воспротивился этому бредовому предложению – повторить трюк Дрога в бассейне. Кто-то платком завязал Горазону глаза, кто-то связал поясом за спиной руки, кто-то, подначивая, захопал в ладоши. И только Фёдор, с которым Паша пять минут назад дрался, схватил Горазона за руку и попытался его образумить:

– Не смей делать никаких трюков! Ты пьян! Ты можешь не рассчитывать!

Но Горазон закусил удила.

– Снимайте, гниды! Завидуйте! Я актёр, который всё делает сам! Я профессионал!!!

Он оттолкнул Фёдора и вслепую помчался к вышке. Он взлетел на неё, не споткнувшись ни на одной ступеньке, пробежал по узкой качающейся доске и... прыгнул в воду.

– Пашка плавает как карась, – успокоила Ида Фёдора.

В прозрачной воде было видно, что Горазон даже не пытается развязать руки. Он всплыл спиной вверх и замер, покачиваясь как поплавок.

Все подумали, что это шутка и засмеялись.

– Он ударился головой о дно, я видел, – вдруг тихо сказал Фёдор. – Он свернул себе шею!

– Пашка плавает как карась... – потрясённо повторила Ида Григорьевна.

– Он погиб! – заорал Фёдор и помчался в подсобное помещение, откуда регулируется подача воды в бассейн.

Снова мелькнула фотовспышка, но теперь на неё никто не обратил внимания. Имени-тые гости начали быстро одеваться и поспешно уходить, боясь быть замешанными в эту историю. Возле бассейна остались только члены семьи и те, кого Ида пригласила на свои похороны. Нам нечего было терять. Наша репутация не очень волнует публику, а наши поступки не интересуют прессу. Братья-хоккеисты вытащили Горазона из воды и по очереди принялись делать ему искусственное дыхание.

Всё было бесполезно.

Георгий Георгиевич пощупал пульс и приподнял веки.

– Мёртв, – сказал он и схватился за голову: – Чёрт, теперь в мои клиники перестанут обращаться знаменитые люди!

– Он сам виноват! – истерично закричала Полина. – Какой идиот прыгает в воду с завязанными глазами?! В конце концов, он был пьян, это подтвердит куча народу!!!

– Пашка плавает как карась! – потрясённо повторила Ида Григорьевна. – А пьяный он плавает лучше карася!!! – В отчаянии она стала колотить палкой об пол, повторяя: – Лучше карася! Лучше!!

Из подсобки выбежал Фёдор. Он был бледный и очень растерянный.

– Кто-то открыл вентиль, – пробормотал Башка. – Уровень воды в бассейне сильно упал, поэтому Горазон свернул себе шею. Ему не хватило глубины для прыжка! Это убийство...

– Не может быть! Этого не может быть! – закричал Гошин. – Где этот вентиль?

– Я закрыл его... автоматически...

– Идиот, – сказала старуха. – Какой ты балбес, Башка! Теперь ничего никому не докажешь, а на вентиле твои отпечатки пальцев! Кто предложил, чтобы Пашка сделал этот трюк?!!

Этого никто вспомнить не мог.

Гибель Горазона признали несчастным случаем. Газеты очень невнятно осветили обстоятельства его смерти. Но самое удивительное, что крамольные фотографии так нигде и не появились. Вот, собственно и всё, что я знаю. Но я не понимаю, зачем Иде Григорьевне понадобилось собирать участников тех событий на своих похоронах! Что ты об этом думаешь? – обратилась Лидия к Славке.

– Она жива, – еле слышно шепнул Славка. Его вдруг одолел приступ откровенности, и объектом этой откровенности могла быть только Лидия – юная, голая, очень красивая и раскрепощённая, как молодое животное.

– Кто жива? – удивилась она. – О ком ты?

Но Славка уже раздумал откровенничать.

Чтобы выпутаться из ситуации, он сделал вид, что не расслышал вопроса и закатил глаза к потолку. То, что он там увидел, поразило его в самое сердце.

В маленьком окошке, расположенном метрах в пяти от воды, скалилась физиономия хоккеиста Архангельского – то ли Глеба, то ли Павла, мама не разберёт. Увидев, что Орлик на него смотрит, хоккеист подмигнул ему и захохотал во всю глотку, жестом обозначив округлости на груди, что означало, наверное, – раздевайся, чего же ты, посмотри на подругу!

– Ах, сволочь... – Славка сорвался с места и побежал вверх, интуитивно выбирая дорогу. Он домчался до окошка-амбразуры быстрее, чем хоккеист успел отлепить нос от стекла.

Орлик смачно вмазал ему по затылку. Затрещина получилась сильной и неожиданной для хоккеиста, поэтому он накренился вправо и начал падать. В глазах у Павла-Глеба застыли обида и удивление. Наверное, ни одна девушка не била его так больно. Наверное, ни одна девушка его вообще никогда не била.

– Ну ни хрена себе, – простонал хоккеист. – За что? За любовь к прекрасному и удивительному?

Не утруждая себя разговорами, Орлик зарядил ему свой фирменный хук по печени. Хоккеист передумал болтать, побледнел и потерял сознание. Для полного удовлетворения Славка дал ему унижительный пинок под зад.

– Чтоб за девушками не подглядывал, – назидательно сказал Славка над телом и потёр руки.

Отчего-то Орлик напрочь забыл, что сам любил приложиться глазом к дырке в стене между мужским душем и женским. Отчего-то в нём взвырвало возмущение мужским хамством и тупостью. Неужели он так вжился в роль?

Прибежала Лидия, закутанная в халат, и беззвучно захохотала.

– Здорово ты его! Научишь меня так драться?

– Научу, – буркнул Славка, поправляя грудь, из которой от интенсивных движений вывалилась туалетная бумага.

– Девчонки, вы чо? – поднял голову хоккеист. – Я ж к вам по-хорошему... Я не подглядывал, я наблюдал! Я наблюдательный, поэтому на воротах стою... – Архангельский неловко взмахнул руками, пытаясь встать.

Славка подхватил Лидию под руку и повёл её прочь от бассейна, где погиб Горазон.

– Пойдём ко мне! – прошептала Лидия, прижимаясь плечом к нему.

– Зачем? – не понял Славка, проклиная свою женскую шкуру.

– Будем ночевать вместе. Ведь я не сказала тебе самого главного! По ночам по этому дому бродит призрак Горазона и просит развязать ему глаза!

От удивления Славка резко остановился и, выпучив глаза, уставился на Лидию.

– Кто бродит по дому?! – глупо переспросил он.

– Горазон! Вернее, его призрак. Ты слышал, что люди, умершие не своей смертью, не могут переселиться на тот свет и бродят среди живых, пытаясь найти успокоение?

– Нет... да, то есть слышал, конечно, но это же сказки!

– Сказки, конечно, но одной ночевать страшно. Ида рассказывала, что едва наступает полночь, Горазон летает по дому и стонет, и воет, и плачет, и умоляет развязать ему глаза! А Ксюня жалуется, что он жуткий проказник. То стены зубной пастой измажет, то лампочки в люстрах перебьёт, то закашляет, то засвистит, то стрелки в часах переведёт, то в бильярд сам с собой поиграет, то семечек у Ксюни наворует и шелуху по всему дому разбросает... Ида Григорьевна называла это «проделки Горазона».

– Ужас, – искренне поразился Славка. – Проделки Горазона! Ну надо же...

– Так что давай спать вместе! Одна я боюсь.

– Я... не могу. Извини, – покраснел до корней волос Славка.

– Понимаю, – улыбнулась Лидия. – Я тоже в такие дни предпочитаю одиночество. Спокойной ночи! – Она чмокнула Славку в щёку, помахала рукой и побежала по коридору. Её изящества не мог скрыть ни махровый халат, ни сланцы, звонко шлёпающие по пяткам.

Славка вытер со лба испарину и испуганно огляделся. От волнения, восторга и страха задрожали колени. Ну и вляпался он!

За один вечер превратился в бабу, согласился кормить покойницу и теперь с замиранием сердца вынужден ждать привидения...

Паша Горазон сидел на люстре и лузгал семечки.

Сегодня шалить не хотелось.

Летать было скучно, выть не было настроения, а пачкать стены казалось пошлым. Не хотелось бить лампочки, играть в бильярд, свистеть, кашлять и даже переводить часы на полгода назад.

Хотелось уюта, тепла и философии.

Всего этого на люстре было достаточно. В особенности тепла. С уютом тоже было нормально, да и с философией проблем не было, несмотря на то, что тело маялось от своей бестелесности, а душа тосковала от неприкаянности.

Хотелось решить вопрос: достойно ли он прожил жизнь?

Что оставил после себя?

Роли?!

Тысячи безликих, бездушных ролей – штамповок и однодневок – в глупых сериалах и напыщенно-многозначительных фильмах, цель которых...

Чёрт, он даже не знал, какая у этих киноподелок цель, какая идея...

Он играл, ему платили.

Ему платили, он играл.

Плохо ли, хорошо ли, судить не ему. Зрителям нравилось.

Но ведь странное дело – стыдно, как стыдно теперь за всё, что он делал, за всё, что сыграл.

И самый главный вопрос – зачем?

Зачем он расстрелял из автомата Калашникова добрейшего дядюшку Пита в боевике «Кровь, спорт и деньги»?! Зачем так натуралистично трахал неопытную и стыдливую актрису Акееву в мелодраме «Голая истина»?! Зачем согласился сыграть в голливудской комедии голого монстра, у которого из ушей торчали костлявые руки, а из жопы, простите, змеиный хвост?!

Где разумное, доброе, вечное?!

Раньше актёры играли глазами, а теперь – мышцами. Вот из-за этого он и погиб, придурок. Он не выполнил своего предназначения, неправильно использовал свой талант, вот его и убрали за профнепригодность.

Шелуха от семечек кружилась и падала на пол...

Зачем?! Ответа на этот вопрос не было.

Лучше бы он воткнул пару рябинок в землю, собрал щитовой домик на даче и состругал сына с душевной хохлушкой из села Клошевка. Лучше бы он растил лютики на балконе, чем варганил карьеру дешёвой знаменитости, от которой сходят с ума все бабы от Чукотки до Папуа Новой Гвинеи.

До сих пор стыдно перед юной Акеевой. Она плакала после съёмок в гримёрке, замазывая засосы тональным кремом.

– Тьфу! – особенно смачно сплюнул кожуру на пол Паша и тихо завыл.

Зачем?! Зачем он так бестолково и бессмысленно жил?! Разорялся, растрчивался, распался, разменивался...

Зачем так гнусно и некрасиво погиб?!

Кто знал, что душа от этого будет маяться, тело болеть, а сердце разрываться в параллельных мирах? Кто знал, что за это путь на небо ему заказан? Кто знал, что за эти грехи и нелепую гибель он будет скитаться в большом скучном доме и безобразничать, чтобы при-

влекь к себе внимание, которое, в сущности, ему ни к чему, но надо же чем-то заняться нестарому, симпатичному призраку!

Горазон помахал в воздухе нематериальными ногами и, сунув, два предполагаемых пальца в рот, громко свистнул.

За окном забрезжил рассвет, пора было сматываться в призрачную, неудобную параллель. Летние ночи такие короткие, и у призраков так мало времени на философию!

Пашка грохнул всё-таки на прощание пару лампочек в люстре, плюнул невесомой слюной в портрет Георгия Георгиевича на стене и, завыв «у-у-у!» через стену улетел в нежилое пространство грёз, тьмы, маяты и вечных скитаний.

ПРИЗРАК!

Это была лучшая его роль.

И лучшая форма существования.

Лидия крутилась в широкой кровати и не могла заснуть.

Не нужно было приезжать на эти похороны.

Ну и что, что Ида внесла её в список гостей, откуда бы она узнала, что её воля не выполнена?

В то, что ей завещаны какие-то деньги, Лидия Федина не верила и не испытывала ни малейшего интереса к завещанию Гошиной. Старуха и так устроила жизнь Лидии таким образом, что она ни в чём не нуждалась.

Не стоило приезжать.

Лидия встала, закурила и подошла к окну. За стеклом темнел хвойный лес, который Ида не позволила вырубить. Старуха гордилась вековыми деревьями и называла их «мои колючие ровесники».

Перед лесом блестел водной гладью искусственный пруд. На его создании настоял модный ландшафтный дизайнер, но Ида невзлюбила тихую заводь за зелёную ряску, обилие плавающих лилий и тучи мошкары, выющейся над водой. Одно время в пруду пытались развести карасей, но караси сдохли, а вместо них завелись лягушки, которые изводили домоладцев по ночам своим кваканьем. До ликвидации этого пруда у Иды Григорьевны так и не дошли руки.

Лидия включила свой «мёртвый» мобильник и позвонила Мишке.

Мишка немедленно сбросил вызов, дав понять, что их ссора всерьёз и надолго. А скорее всего – навсегда.

Лидия не хотела плакать, но заплакала. Единственное, чего не смогла ей купить богатая опекунша – Мишку. Белокурого, безалаберного, безответственного и дико обаятельного Михаила Петровича Вахрамеева – двадцати четырёх лет отроду.

Чтобы не ждать от него звонка, Лидия снова отключила мобильник, завалила его подушками и вышла на балкон.

Этаж был второй и она, свесившись через перила, всерьёз задумалась, – а не сброситься ли вниз на почве несчастной любви?.. В телефоне найдут номер Мишки, дядя Гоша обязательно сообщит ему, что у Лидки сломаны ноги, или что-то ещё, и Вахрамеев примчится, чтобы сопереживать её душевным и телесным страданиям.

Или не примчится.

Так стоит ли ноги ломать?!

В раздумье над этим вопросом, Лидия закурила вторую сигарету.

«Завтра брошу» тоскливо подумала она, точно не зная, что имеет в виду – курение или страдания по белокурому Вахрамееву.

– Ты подлец, – отчётливо услышала Лидия голос снизу.

Голос был женский, раздражённый и молодой.

– Ты пойми, если я скажу ей об этом сейчас, поднимется страшный скандал. Давай дождёмся окончания похорон и оглашения завещания! – ответил мужчина, в котором Лидия сразу узнала Георгия Георгиевича.

Подслушивать было не в её привычке, но Лидия легко меняла свои привычки, если этого требовало любопытство. Мигом забыв Вахрамеева, Лидия отпрянула от перил, затушила сигарету, прижалась спиной к балконной двери и затаила дыхание.

– Ты подлец, – повторила женщина. – Если ты немедленно ей всё не расскажешь, тогда я, я закачу скандал! Мне плевать на завещание! И на похороны плевать! У меня три, нет, четыре, месяца беременности и мне плевать на всё, кроме меня и моего ребёнка! Я требую, чтобы ты рассказал о нас Полине немедленно, прямо сейчас!

– Замолчи! Нас могут услышать! – взмолился Гошин. – Чувствуешь, дымом тянет? Кто-то курит неподалёку...

– Мне плевать! Пусть знают, что ты уже десять лет принадлежишь мне, а не Полине! Господи, как я ненавижу эту надменную гадину! Как ненавижу!

«Ого-го! – подумала Лидия. – Дядя Гоша десять лет у всех под носом обманывает свою жену, и никто об этом не подозревает! Интересно, с кем он изменяет Полине?!»

Женский голос был истеричный, наполненный слезами, и поэтому – неузнаваемый.

– Четыре месяца! – всхлипнула женщина.

– Ещё можно сделать аборт. Я договорюсь с хорошим врачом...

– За десять лет ты трижды договаривался с хорошим врачом! Трижды! Нет, этого ребёнка я рожу, даже если он будет стоить мне карьеры, внешности, жизни, или... тебя.

– Тише! Чёрт... откуда-то дымом тянет. Мне не нужны дети!

– И мне не нужны. Только один маленький сорванец, который сможет претендовать на долю в наследстве твоей зажавшейся бабки и на акции твоих клиник.

– Ты дрянь!

– Что-то в действительности дымом тянет.

– Ты специально устроила эту беременность, чтобы подловить меня на деньгах?!

– Я устроила, как ты выражаешься, эту беременность, чтобы расставить, наконец, множество точек над многочисленными «i». Я устроила эту беременность, чтобы занять, наконец, своё место в твоей жизни, даже если ты этого не хочешь. Заметь, я терпела десять лет! Десять! Заметь, это ты меня соблазнил, и это из-за тебя я бросила своего жениха. А он сейчас, между прочим, хозяин крупного банка!

– Замолчи!

Женщина замолчала. Разговор под балконом зашёл в тупик.

В порыве неуправляемого любопытства Лидия отошла от стены и перегнулась через балконные перила. С кем изменяет жене безупречный Гошин?! Кто рискнул его шантажировать?!

Лидия узнала её с первого взгляда по шляпке-таблетке с чёрной вуалью.

Младшая сестра Полины – Алина Сметанина даже ночью, в растрёпанных чувствах, держала спину прямо, а голову высоко.

«Ого!» опять удивилась Лидия и от чрезмерного усердия чуть не свалилась с балкона безотносительно любви к Вахрамееву.

– Я прошу тебя, давай отложим этот разговор на завтра, – миролюбиво попросил Гошин.

– Не проси. Если ты не поговоришь с Полиной сегодня, я сделаю это сама.

– Она спит.

– Ради такой новости – разбужу!

– Она наглоталась снотворного!

– Оболью холодной водой.

Гошин схватил Алину за плечи и потряс так, что шляпка слетела с её головы.

– Если... если я откуплюсь от тебя, дам денег, куплю дом, машину, картинную галерею, ты от меня отстанешь?!

– Нет. Мой ребёнок будет полноправным наследником семьи Гошиных!

– Я не признаю его!

– Сейчас с этим просто. Сделаю генетическую экспертизу! Ослаблю и опозорю тебя! Буду давать интервью журналистам, напишу книгу о нашей интимной жизни! Её издадут миллионными тиражами, можешь в этом не сомневаться!!

Он ударил её. Коротко размахнулся и залепил пощёчину, от которой Алина пошатнулась и упала в клумбу, унижительно взмахнув в воздухе высокими каблуками. Она схватилась за щеку, а Лидия, захваченная чувством женской солидарности, готова была крикнуть с балкона: «Вы подлец, дядя Гоша! Большой подлец! Нет, мелкий пакостник!»

– Делай, что хочешь, – сухо сказал Гошин Алине, развернулся и пошёл в дом.

Не вставая с клумбы, Алина заплакала, держа спину прямо, а голову высоко. Только плечи слегка затряслись, и послышались тихие всхлипы. В её позе было столько достоинства и трагизма, что Лидия не сдержалась и тоже заплакала, вспомнив подлеца Вахрамеева и своё желание сломать из-за него ноги. Слёзы капали вниз, на клумбу, и, наверное, Алина подумала, что пошёл дождь, потому что нащупала в траве шляпку и неловко надела её, почему-то вуалькой назад.

На горизонте появилась полоска светлого неба. Занимался ранний, летний рассвет.

Алина поднялась и пошла по дорожке к пруду. Она шла как королева, с высоко поднятой головой и гордой спиной. Её шляпка напоминала корону, а вуалька фату, которую отчего-то задумали сделать чёрного цвета.

«Стойте!», хотела крикнуть ей Лидия, но не посмела. Каждая женщина должна справляться со своими проблемами в одиночестве. Это закон природы. Это закон бытия. Сейчас Сметанина погуляет, подумает, успокоится, а потом накрутит благополучному дяде Гоше его гордо задранный хвост так, что из успешного пластического хирурга он превратится в посмешище светских хроник...

Лидия отошла от перил, решив закурить последнюю в своей жизни сигарету. Ведь «завтра» уже наступило и следовало отбросить дурную привычку, как фантик от съеденной конфеты. Она взяла пачку и вдруг услышала тихий протяжный вой.

– У-у-у! – полетел вой к светлеющему горизонту.

В нём было столько человеческой неподдельной тоски, что от ужаса сердце застыло, поджилки затряслись, а ладони вспотели. Лидия наклонилась к перилам и увидела, как из стены вылетел поупрозрачный мужской силуэт. Силуэт был неясный, неявный и смахивал на галлюцинацию, но всё-таки что-то в нём было такое реалистичное, что хотелось завизжать и запустить в него палкой, как в блудливую кошку.

Призрак не позаботился прикрыть своё тело хоть чем-нибудь, и все анатомические подробности бесстыдно прорисовывались в прозрачном воздухе.

«Разве бывают голые привидения?» – в панике подумала Лидия, так и не поняв – воображение это подкидывает сюрпризы, или реальность.

Алина Сметанина пропала с дорожки, ведущей к пруду. Её нигде не было видно.

– Развяжи мне глаза-а... – прошептал чей-то голос над ухом. – Развяжи, я не вижу куда лете-еть! – Призрачный силуэт задрожал и растворился в утренней дымке.

Далеко-далеко послышался хохот. Или не хохот и не послышался...

Наверное, это был первый симптом сумасшествия на почве безответной любви к Вахрамееву.

Лидия завизжала и бросилась вон из комнаты.

Ночью Славку чуть грубо не изнасиловали.

Он уже почти заснул на прохладных шёлковых простынях, как дверь в комнату резко открылась, несмотря на то, что Славка вроде бы запер её на замок. В темноте Орлик разглядел мужскую фигуру и учуял похоть, которую она излучала.

Это был точно не призрак.

Во всяком случае, запахло последним вариантом мужского аромата «Фаренгейт», и Славка ощутил вдруг унижительную потребность сжать плотно колени и руками прикрыть самодельную грудь, которую он дальновидно не снял на ночь, оставив лифчик под полупрозрачной ночнушкой.

Не успел Орлик послать ночного гостя так виртуозно, как это умели делать только на шарико-подшипниковом заводе, как гость этот оказался на нём верхом. Две огромные лапы прижали Славку к кровати, а жёсткое колено попыталось раздвинуть ему ноги. Минутное оцепенение сменилось у Орлика решением спасти свою честь.

Головой он ударил насильника в челюсть. Удар оказался настолько сильным, что ночной гость обмяк. Пользуясь моментом, Славка решил проделать с ним любимую интернатскую мульку: оттащил в ванную, окунул головой в унитаз и нажал спуск. Под напором холодной воды к гостю вернулось сознание, и он ощутимо дёрнулся. Удерживая его в позе «рака», Славка с удивлением признал в насильнике хоккеиста Архангельского – то ли Глеба, то ли Павла, мама не разберёт.

– Разве я тебя сегодня ещё не бил? – проникновенно спросил его Славка.

– Брль, нет, – булькнул в ответ хоккеист.

– Ну, тогда... – Орлик вытащил его голову из унитаза, дал кулаком в глаз и снова окунул лицом в бурлящий поток воды.

Эх, сиротское детство!

Никакой человечности, никаких хороших манер, а уж тем более – никакого сострадания.

Принцип один: тот, кто обидел тебя, должен быть бит.

Если не ты, то тебя – закон выживания сироты.

Этот хоккеист был намного крупнее Славки, но злости в нём не было ни на грош, а уж тем более, девичьей чести, за которую стоило бы сражаться. Он был мягкотелый и очень ненастороженный, этот Архангельский; наверное, его в детстве вдоволь кормили конфетами, баловали бананами, отмечали на косяке каждый сантиметр его роста, кормили с ложечки, когда он болел ангиной, педагогично объясняли разницу между мальчиками и девочками, и сходили с ума, если он задерживался после уроков.

– Ещё будешь по девкам шастать? – строго спросил его Славка.

– Нет, – пообещал из унитаза не то Павел, не то Глеб. – Предпочту мужскую компанию!

В его голосе было много искренности, а ещё больше – раскаяния.

За это по интернатским законам полагалось, если не прощение, то хотя бы испытательный срок на осознание своих грубых ошибок.

– Ну вот и голову помыли, – удовлетворённо сказал Славка, отпуская Архангельского.

– А заодно и зубы почистили, – оказался не без юмора хоккеист. – Я пошёл?! – осторожно спросил он.

– Иди, – кивнул Славка, но Архангельский не двинулся с места. – Иди, иди, – указал ему Славка на дверь.

– Я пошёл, – заклинило парня.

Славка включил свет и заботливо заглянул хоккеисту в глаза. Зрачки были в норме, цвет лица тоже, симптомов сотрясения мозга Славка не разглядел.

– Я пошёл, – повторил Архангельский и, сняв с крючка полотенце, вытер мокрое лицо и ёжик волос.

– Даже не знаю, чем тебе помочь, – проникся проблемой Славка. – Под зад дать?! Хоккеист быстро нашёл дорогу к двери, но, открыв её, обернулся.

– Чем занималась? – ударив кулаком воздух, уважительно спросил он. – Самбо?

– Балетом, – усмехнувшись, ответил Орлик. Ему до смерти надоело это ночное приключение.

– Сильное искусство, – покачал головой Архангельский и закрыл за собой дверь. Его шаги, удаляясь, ещё звучали в коридоре, а Славка уже засыпал на прохладных шёлковых простынях, как...

– Женька! Женечка!!

В комнату ворвалась Лидия и прыгнула в постель.

– Что случилось? – отпрянул он неё Славка. – Что ещё стряслось?!

– Горазон, сволочь, летает! – простонала, проплакала, просмеялась она. – Там...

Лидия прижалась к нему всем телом и указала на светлеющую ночь за окном.

– Глаза развязать просит? – вспомнил Орлик.

– Да!

– Нужно и ему балет показать.

– Что?! При чём тут балет?

– Спи. – Славка уложил её на подушку и лёг рядом, размышляя о трудностях женского существования в мужском теле.

Он забылся зыбким сном, и ему то ли снилось, то ли чудилось, что где-то рядом по-деревенски кричит петух. Ему мерещился призрак, но не Горазона, а Марьи Вольфрамковны – директора интерната. Она порхала в воздухе и твердила свою знаменитую фразу, которую повторяла всегда, когда Орлик творил изысканные по своей тупости безобразия:

– Ну, спасибо тебе, Славка! Ну, спасибо тебе, Орлик!

Никогда Славка не мог понять, почему она благодарит его за откровенные гадости, но теперь, в полусне, вдруг сообразил: директриса жалела его, и других сирот жалела, поэтому ругала, будто хвалила:

– Ну, спасибо тебе, Орлик!

– Вам спасибо, Марья Вольфрамковна! – Впервые Славка почувствовал благодарность к нескладной директрисе, променявшей личную жизнь на работу в интернате.

Спал бы Славка да спал, бредил, да бредил, только реальность ворвалась в его сон диким криком...

– Пропал! Пропал, матушки мои!!!

– Какие матушки? Кто пропал?! – подскочил Славка.

– Тсс! – прижала палец к губам Лидия, сидевшая рядом в кровати в куцей пижамке, с распущенными волосами.

Она была хороша со сна – лучше, чем вчера в бассейне, где в ней не было никаких тайн и недоговорённостей. Теперь в её глазах стоял испуг, удивление и непонимание, одним словом – интрига.

Славка любил интриги в коротких пижамках.

– Пропал! Пропал!!! – заголосил женский голос под дверью.

Орлик выскочил в коридор.

– Да кто пропал?! – заорал он.

– Гроб! – Ему в грудь врезалась Ксюня. Её трясло крупной дрожью, и она попыталась упасть в обморок, но Славка подхватил её и прислонил к стене. – Гроб пропал, – простонала служанка.

– А... Ида Григорьевна? – глупо поинтересовался Орлик. – Старуха-то где?!

– Всё пропало! – бухнулась Ксения Павловна на колени и схватила Славку за ноги, словно вымаливая у него прощение. – Я утром в гостиную захожу, а на столе пусто! Ни гроба, ни покойницы, ничего!! Господи... Что это значит?! В три похороны, а хоронить нечего! Что люди-то скажут?!

– Ксюня, тебе не почудилось? – спросила служанку Лидия. Она стояла в дверях и прикрывала ладонью рот то ли от ужаса, то ли, скрывая улыбку.

Вместо ответа Ксюня завывала и с размаху ударилось головой о пол.

Поставив Ксению Павловну на ноги, Славка помчался в гостиную.

За ним побежала Лидия.

Огромный стол в большой комнате пустовал. Место, где стоял гроб, обозначалось прямоугольником, не покрытым пылью. В гостиной уже собралась толпа. У всех были заспанные, обескураженные лица.

– Пропала-а-ал! – заголосила позади Ксюня, переходя на визг.

Славка и Лидия вклились в толпу, схватили друг друга за руки и замерли.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает? – спросил Георгий Георгиевич, дрогнувшим голосом. На нём были мятые домашние брюки и розовая футболка с принтом бульдога, одетая задом наперёд. – Что это значит?! – заорал он и беспомощно оглядел потолок, будто рассчитывая обнаружить там пропажу.

– Бабка сбежала, прихватив гроб, – хохотнул Крис. – Чего-то подобного я от неё ожидал!

Повисла звенящая тишина, которую нарушали только ход маятника напольных часов и насморк Феликса Григорьевича, сопевшего, как забытый на плите чайник. Его войлочная шапчонка съехала на нос, и старик походил на перезревшую поганку.

– У-у-ужас, – простонала репетиторша французского языка, Мила Брагина, и, приподняв очки в роговой оправе, заглянула под стол. – Может быть, гроб украли?

– Вместе с несвежей покойницей? – ехидно спросила Нелли, потрянув разноцветными дредами.

– Журналисты! – осенило Фёдора Башку. – Гроб спёрли подлецы-журналисты, чтобы... чтобы... – Аргументов для этой версии у простоватого Башки не хватило и он замолчал.

– Чтобы устроить бабке последнюю фотосессию, – закончил за него Крис. – Что хоронить-то будем, друзья? – обратился он к присутствующим с привычной ему интонацией видея популярного музканала.

Послышался тихий стук, и толпа расступилась. На полу, красиво раскинув руки, в глубоком обмороке лежала Полина. Её медовые волосы живописно выбились из причёски, а подол лёгкого пеньюара задрался ровно настолько, чтобы интеллигентно обнажить безупречные колени.

– Мамахен, – поморщилась Нелли, – ну что за цирк? Подумаешь, гроб пропал! Приступим сразу к поминкам.

Гошин плюхнулся на колени и помахал розовым подолом футболки перед бледным лицом жены.

– Чёрт знает что, – пробормотал он.

– Убью, гадов! – непонятно кому пригрозил Фёдор и от злости отчётливо скрипнул зубами.

Славка стоял в полной растерянности.

Может, настал момент рассказать всем, что Ида жива, что она надула всех со своей смертью, как фокусник, распиливший пополам ассистентку?

Или не настал?!

Или лучше удрать из этого дома, пока не поздно?

Пока не узнал лишних тайн, или не стал участником грандиозного скандала, которым непременно заинтересуется прокуратура и пресса. И пусть ему светит тюрьма, и плевать, что булки в склеп носить некому, и сто тысяч долларов останутся только в мечтах, он и без этих тысяч хорошо проживёт. Ведь у него есть драгоценный крест, а это возможность сделать жизнь простого токаря-фрезеровщика более насыщенной и интересной.

Славка мельком глянул на Лидию. Такого утончённого профиля, такой матово-смуглой кожи он не видел даже в мужских журналах, которые кучей валялись в «ленинской» комнате с пачками выдранными страницами.

А может, остаться здесь, чтобы видеть её, держать за руку и даже спать в одной кровати, спасаясь от призрака Горазона и умирняя дикие мужские инстинкты?!

Такая девушка ни за что не обратила бы на него внимание, будь он простаком-работягой Славкой Орликом.

«Остаться! – твёрдо решил Славка Орлик. – Непременно остаться!»

Только куда делся гроб? Не могла же старуха сбежать, прихватив его с собой?!

Впрочем, Ида Григорьевна всё могла. И стоило дожидаться конца этой истории, чтобы понять до конца свою роль в ней, скинуть, наконец, перед Лидией женские тряпки и превратиться...

В кого, Славка даже подумать боялся.

На принца он не тянул.

Он ни на кого не тянул, кроме как на работягу с завода, у которого было тяжёлое детство, три привода в милицию, и продавленная койка в заводском общежитии с чемоданом скудных шмоток под ней.

– Позвольте, – сидя возле бездыханно-обморочной Полины, прошептал Гошин. – Позвольте, но адвокат не огласит завещание, пока... пока похороны не состоятся! Приедет оркестр, припрутся журналисты и повар из французского ресторана, чтобы организовать празднич... поминальный обед!!! Мама... – Георгий Георгиевич схватился за голову, но вдруг вскинулся и заорал во всю глотку: – Найти гроб! Немедленно найти гроб с бабкой и вернуть его на место к трём часам дня!!!

Славка не понял, кому отдавал приказания Гошин, но толпа дрогнула, рассыпалась на составляющие, вытекла из гостиной, пробежала по коридору, а потом ринулась вниз по лестнице. Орлик схватил за руку Лидию и помчался за всеми, оставив Гошина сидеть возле бездыханной жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.